

ХАНС РУСЕНФЕЛДТ МИКАЭЛЬ ЮРТ

ПРОВАЛ

ДУЭТ
ШВЕДСКИХ
АВТОРОВ МИРОВОГО
КЛАССА

WESTDEUTSCHER
RUNDFUNK

18+

Себастиан Бергман

Ханс Русенфельдт

Провал

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Русенфельдт Х.

Провал / Х. Русенфельдт — «Издательство АСТ»,
2015 — (Себастиан Бергман)

ISBN 978-5-17-107348-0

У особой следственной группы из Стокгольма новое дело: в школьном классе найден убитым звезда известного реалити-шоу. Его руки связаны, на голову надет колпак, а на спине висит тест, состоящий из школьных вопросов. Вскоре появляются и другие жертвы. Изогранный и умный убийца, недовольный тем, что в газетах и на телевидении говорят лишь о глупых звездах реалити-шоу и интернет-знаменитостях, заставляет своих известных и богатых жертв отвечать на вопросы из школьной программы, в случае провала – убивает. Сумеет ли Себастиан Бергман забыть о собственных переживаниях, чтобы поймать серийного убийцу прежде, чем он станет угрозой для существования их команды?

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-107348-0

© Русенфельдт Х., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	13
5	15
6	16
7	18
8	21
9	25
10	28
11	30
12	32
13	37
14	42
15	45
16	51
17	54
18	56
19	59
20	61
21	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ханс Русенфельдт, Микаэль Юрт

Провал

Michael Hjorth & Hans Rosenfeldt
DE UNDERKANDA

© Michael Hjorth & Hans Rosenfeldt 2015

© Савицкая А., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Глубокоуважаемый главный редактор Чельман!

Я в течение многих лет читаю Ваше издание. Сперва читал в виде «бумажной» газеты, а несколько лет назад перешел к чтению в Интернете. Я не всегда симпатизирую Вашим взглядам, и время от времени у меня возникали сомнения относительно выбора тем для освещения и высказывавшейся в репортажах точки зрения, но тем не менее я чаще всего мог получать от Вашего издания определенное удовольствие.

Однако сейчас я чувствую себя вынужденным задать Вам, как ответственному редактору, этот вопрос:

Почему в Вашем издании превозносится чистейший идиотизм?

Когда было решено, что следует заострять внимание на откровенной глупости и превращать ее не просто в норму, а в нечто возжеланное и достойное зависти?

Зачем вы уделяете место рассказам о людях, которые не знают даже, когда началась Вторая мировая война, не обладают самыми элементарными знаниями в области математики и лишь в исключительных случаях способны высказать законченное предложение? О людях, чей единственный талант заключается в том, что они умеют вытягивать губы трубочкой на так называемых «селфи» и чьей единственной заслугой является то, что они публично позорятся, занимаясь сексом в каком-нибудь из многочисленных реалити-шоу, которые из вечера в вечер заполняют наши телевизионные каналы.

По роду своей работы я встречаю довольно много молодежи. Порядочной, умной, целеустремленной и амбициозной. Молодых людей, которые следят за дебатами, овладевают знаниями, критически их осмысливают и получают образование, чтобы в дальнейшем устроиться на увлекательную и ответственную работу и способствовать благополучию общества. Молодежь, которая чего-то хочет и что-то может.

Вот им вам следует уделять внимание. Их стараться превращать в пример для подражания. А не бездушных, эгоистичных, заикливых на собственной внешности существ, которые косноязычно, с покрытыми вульгарными татуировками телами, похваляются своим низким IQ и отсутствием общего образования.

Итак, я повторяю вопрос и надеюсь получить на него ответ в газете:

Когда было решено, что следует заострять внимание на откровенной глупости и превращать ее не просто в норму, а в нечто возжеланное и достойное зависти?

*С уважением,
Катон Стариший*

1

– Тридцать секунд, время пошло.

Мирре уже почти не замечал металлического щелчка при запуске секундомера. Сколько времени это будет продолжаться? Что сказал мужчина?

Он собирался задать шестьдесят вопросов.

Который же этот по порядку? Мирре не имел понятия. Казалось, будто они занимаются этим целую вечность. Он по-прежнему пытался разобраться в произошедшем.

– Хочешь послушать вопрос еще раз?

Мужчина сидел близко по другую сторону стола. Голос спокойный, низкий.

Впервые Мирре услышал этот голос недели две назад, когда они разговаривали по телефону. Мужчина позвонил ему и представился как Свен Катон, журналист-фрилансер. Он хотел взять интервью. Или, скорее, составить портрет. Мирре, правда, не победил в том шоу, но оказался одним из участников, о которых больше всего писала пресса и к которому проявляли наибольший интерес в социальных сетях. На основании увиденного люди составили себе о нем представление. Свену хотелось немного углубить образ. Показать другие стороны скрывающегося за ним человека. Не могли бы они встретиться?

Они встретились. В гостинице «Курортный отель». Свен угостил его ланчем. Они решили взять по бокалу пива, несмотря на то, что был вторник и всего лишь половина двенадцатого. Но ведь лето. Свободное время. Свен поставил на стол между ними маленький магнитофон и начал задавать вопросы. Мирре отвечал.

Мужчина напротив явно истолковал его молчание как «да».

– К какой части речи относятся слова, описывающие отношения между людьми, вещами и местами, например, «на», «к», «перед» и «в»?

– Не знаю, – ответил Мирре и сам услышал, насколько устало звучит его голос.

– У тебя осталось десять секунд на обдумывание.

– Я не знаю! Я не могу отвечать на ваши дурацкие вопросы!

На несколько секунд стало тихо, потом раздался щелчок остановившегося секундомера и еще один, когда его снова перевели на ноль.

– Следующий вопрос: как назывался флагманский корабль Христофора Колумба, когда он в тысяча четыреста девяносто втором году открыл Америку? Тридцать секунд, время пошло.

Щелчок.

Секундомер опять начал отсчет.

С интервью все прошло хорошо. Конечно, Свен был ровесником отца Мирре или даже старше и не во всем хорошо разбирался, но он проявлял откровенный интерес, так, по крайней мере, казалось. Разговаривать с ним было приятно. Когда Мирре вернулся из туалета, Свен уже заказал им еще по бокалу пива.

Вероятно, дело было в нем. Во втором бокале пива. Свен, должно быть, что-то подсыпал в него, поскольку Мирре вскоре начало слегка мутить. Он утратил концентрацию. Почувствовал слабость.

Свен предложил отвезти его домой. Они покинули ресторан, пошли к парковке.

И вот он очнулся здесь.

Голова на жесткой столешнице. Он поднялся в сидячее положение, и прошло несколько секунд, прежде чем он осознал, что ничего не видит. Попытавшись убрать то, что закрывало глаза, он обнаружил, что может сдвинуть руки всего лишь на сантиметр. При попытке раздался звенящий металлический звук.

Цепи. Наручники.

Он закричал и задергался в наручниках, но умолк, услышав знакомый голос.

– Тебя никто не услышит, и высвободиться ты не сможешь.

Новые крики. Что, блин, происходит? Чем он, черт возьми, занимается? Угрозы вперемешку с мольбами. В основном угрозы.

– Успокойся. Ты можешь уйти отсюда примерно через полчаса. Конечно, при условии, что получишь зачет.

– Какой еще зачет? – спросил Мирре. – За что?

Шестьдесят вопросов.

Тридцать секунд на обдумывание каждого.

Треть ответов должна быть правильной.

– А что произойдет в противном случае? – поинтересовался Мирре.

– Тогда начнем, – ответил мужчина, которого, наверное, вовсе не звали Свен Катон.

– Первый вопрос: как расшифровывается аббревиатура НАТО? Тридцать секунд, время пошло.

Щелчок, включивший секундомер, затем более слабое, но более быстрое тиканье при отсчитывании секунд.

Мирре вообще не обращал внимания на первые десять – пятнадцать вопросов. Он продолжал вырываться из наручников, спрашивать, чем мужчина, черт побери, занимается, что ему надо, обещал по-крупному засадить его за это или дать ему то, что он хочет, если только он его отпустит.

Угрозы и мольбы.

Мужчина не обращал на это никакого внимания. Он тем же спокойным голосом задавал вопросы, включал секундомер, спрашивал, не надо ли повторить вопрос, и ждал ответа. Через некоторое время он деловито заметил, что шанс получить зачет существенно уменьшается и что будет умнее, если Мирре постарается чуть больше сосредоточиться и чуть меньше ему угрожать.

Мирре начал слушать.

«Что такое простое число?»

«Какие животные входят в Большую пятерку?»

«В каком десятилетии образовался остров Сюртсей возле южного берега Исландии?»

«Как называется единица СИ, используемая для измерения силы света?»

Пожалуй, на середине Мирре осознал, что когда он шевелится, что-то шуршит. Пластикат. Он сидит на пластикате. На мягкой, обернутой пластиком подушке. В представлении Мирре существовало только две причины, по которым ее могли обернуть.

Первая – подушка новая.

Вторая – ее хотели защитить.

От пятен. От брызг. От крови.

Ощувив изрядный прилив адреналина, он решил справиться. Показать этому гаду. Постараться слушать, постараться думать. Он, черт возьми, должен получить зачет.

«В каком американском штате находится город Чикаго?»

«Каков символ химического элемента фосфора?»

«Кто стал королем Швеции после Оскара I?»

Вопрос за вопросом, тем же спокойным, низким голосом. Мирре не знал ни одного...

– Последний вопрос: к какому семейству относится росوماха?

Щелчок.

К какому семейству? Что за семейство? Мирре знал, как называется росوماха по-английски – Wolverine. Он видел все до единого фильмы компании «Марвел». Но семейство?

– Хочешь, чтобы я повторил вопрос?

– Нет.

Тишина. Слабое, быстрое тиканье. Щелчок.

– Время вышло. Сейчас посмотрим...

Мирре вздохнул, прислонился лбом к столу. Черт возьми, о двадцати правильных ответах и речи быть не может. На столько вопросов он даже не ответил.

Он услышал, как мужчина по другую сторону стола встал. Мирре медленно поднял голову, следя за ним слухом. Похоже, он подошел близко. Внезапно Мирре почувствовал у лба что-то холодное, металлическое.

– Незачет, – произнес мужчина, которого действительно не звали Свен Катон. Мирре даже не успел отдернуть голову прежде, чем сжатый воздух пневматического пистолета вытолкнул маленький стержень, который незамедлительно пронзил лобную кость и впился в мозг.

2

В течение всей жизни ее окружала ложь. Невидимая. Более тридцати лет вокруг присутствовали тени, а она их не замечала. Но с этим покончено. Теперь она видит их повсюду. Куда ни повернись, она натывается на них.

На ложь и обман.

Никто не говорил правды, никто. Ни Анна, ни Вальдемар, ни Себастиан.

Мать, отец и отец.

Правда, теперь она отказывалась думать о ком-то из них как о своей семье. Это слишком нежно. Этого они от нее не дождутся. Теперь они просто люди с именами и только.

Анна, Вальдемар, Себастиан.

Ее жизнь начала разрушаться шаг за шагом. Полицейское расследование экономических преступлений привело к тому, что Вальдемара арестовали. Поначалу она полагала, что он невиновен, просто стал жертвой злосчастных обстоятельств. Ведь речь все-таки шла о ее отце. Но он сознался. Ее мир пошатнулся.

Тогда она не знала, что видела только вершину айсберга.

Настоящая пропасть разверзлась, когда она узнала, что Вальдемар ей не родной отец. Это открытие чуть не сломило ее. Она лихорадочно пыталась сориентироваться в новом для себя существовании и узнать правду. Допрашивала с пристрастием Анну, но даже не подозревала, какую нечестную игру та способна вести.

Анна выдумала отца. Умершего мужчину. Новая ложь.

Ванья могла понять, почему она не рассказывала ей правды о Вальдемаре. Понять и, возможно, даже оценить. Он всю жизнь был ей самым настоящим отцом. Лучшим отцом, какого она могла себе представить. Зачем отнимать его у нее? Зачем понапрасну разрушать их отношения?

Но теперь? Когда она знает, кто он или, вернее, кем он не является. Зачем продолжать лгать? Зачем отказывать ей в правде? Это невозможно объяснить, оправдать или понять, и результатом стал ледяной холод между ними. Эмоциональная вечная мерзлота, и Ванья не испытывала потребности ее растопить.

Ведь лгала не она, она не виновата.

А потом, когда все вокруг нее уже закачалось, из теней вдруг выступил Себастиан Бергман.

Он ее отец. Поэтому он снова попросился в Госкомиссию по расследованию убийств.

Его побудительный мотив предельно ясен. Все его поступки преследовали одну-единственную цель: приблизиться к ней, стать ее другом.

Ночью, после свадьбы Билли, он разбудил ее. Она по-прежнему наполовину спала, когда он сказал, что должен ей кое-что рассказать и что это не терпит отлагательств. Она толком не знала, чего ожидать, садясь рядом с ним на незастеленную кровать, но точно не того, что услышала.

– Ванья, я твой отец, – произнес он и взял ее за руки.

Он, по крайней мере, позаботился о том, чтобы сообщить об этом с заботой. Из всех сил старался проявить мягкость. Объяснил, как узнал об этом, и как, узнав, не хотел разрушать ее отношения с Вальдемаром, как Анна запретила ему, как он, невзирая ни на что, всегда думал о ее благе.

Казалось, он говорил искренне. Она это оценила. Но по сути это ничего не меняло. Обман есть обман. Они играли ее жизнью.

Как в фильме с Джимом Керри – «Шоу Трумана».

Все было театром, и все были актерами, кроме нее.

Она, всегда считавшая своим долгом действовать рационально и логично, утратила почву под ногами. Как будто она находилась в доме, где каждая дверь ведет в новый тупик. Как она ни искала, найти выход не удавалось.

Она взяла на две недели больничный. Сидела в квартире и пыталась обрести контроль над эмоциями. Не помогло, а привело лишь к тому, что она осознала, насколько на самом деле одинока.

На протяжении всей взрослой жизни она направляла всю энергию на две вещи: на работу и семью.

Чтобы быть хорошим полицейским и хорошей дочерью. Теперь, без семьи, у нее оставалась только работа.

Но там находился человек, внезапно оказавшийся ее отцом. Два ее мира столкнулись. Она нигде не могла чувствовать себя свободной от терзавших ее мыслей, а ведь ей требовалось именно это.

Создать себе жизнь без всех этих теней. Собственную жизнь. Свою жизнь.

Но она совершенно не имела представления, как.

3

Обычно, когда почти двести учеников собирались вокруг стоящих вдоль стен шкафчиков, громкость звука была совершенно другой. Но в прошлый четверг начались летние каникулы, и сейчас Лисе-Лотте Гонсалес находилась в тихой школе одна. За последние недели перед окончанием учебного года накопилась кое-какая административная работа, и она решила уделить делам необходимое время и все закончить, чтобы потом отдыхать с чистой совестью. Накануне она провела в кабинете всего несколько часов, после чего ее выманила на улицу прекрасная погода, но сегодня она решила посидеть по крайней мере до четырех.

Собственно говоря, она ничего не имела против того, чтобы отложить отпуск на неделю или две. Было приятно сосредоточенно работать без звонящих телефонов, заглядывающих коллег и быстро наполняющейся папки «Входящие» в электронной почте.

Около двух она решила сделать заслуженный перерыв. Она вышла в пустую учительскую, включила электрический чайник и приготовила себе чашку «Нескафе». Порывшись в ящиках, она нашла банку со старыми миндальными сухарями. Подумала, что сойдет для перекуса.

После маленького кофейного перерыва она решила немного пройтись. Лисе-Лотте любила бродить по свежееотремонтированным помещениям своей школы.

Именно так она о ней и думала. «Моя школа».

Хотя ей школа, разумеется, не принадлежала. Школа Хильдинг была учебным заведением для 6-9-х классов, недавно открытым концерном независимых школ «Доннергрупп».

Дела у них шли хорошо.

Большой приток учеников, хорошая репутация, все учителя компетентные, и показанные на государственных экзаменах результаты значительно превышали средний уровень. Поэтому Лисе-Лотте думала, что руководство концерна ни секунды не жалело о том, что взяло ее на должность директора.

Она завернула за угол и вышла в коридор, где в основном велись занятия по естественнонаучным предметам. Внезапно Лисе-Лотте остановилась. Одна из покрытых белым лаком дверей, на которых, как ни странно, за весь семестр не появилось никаких каракулей, была приоткрыта. Двери следовало держать закрытыми, поскольку в классах находились химикалии, кислоты, бутылки с газом и прочие дорогие и опасные вещи.

Уже собираясь закрыть и запереть дверь, она бросила взгляд внутрь.

Что это такое?

Лисе-Лотте открыла дверь полностью. Да, она не ошиблась. Слева от интерактивной доски сидела обнаженная до пояса фигура, спиной к классу.

– Извините!

Никакой реакции. Лисе-Лотте шагнула в комнату.

– Послушайте, что с вами?

По-прежнему никакого ответа. Никаких признаков того, что человек ее вообще услышал. Может, он под воздействием чего-нибудь? Судя по тому, как он сидит на стуле, он без сознания или, по крайней мере, крепко спит.

Лисе-Лотте пошла вперед между столами, на которых в ожидании осеннего семестра, начинавшегося через восемь недель, аккуратно стояли перевернутые стулья.

– Как вы себя чувствуете? Вы меня слышите?

Теперь она видела, что это молодой человек. Тренированный, с татуировками. Но что у него на голове? Колпак звездного мальчика или что это? И что у него прилеплено к спине? Если он действительно под воздействием препаратов или без сознания, Лисе-Лотте надеялась, что это не результат того, что он воспользовался чем-нибудь в кабинете химии. Будет нехорошо,

если окажется, что один из местных юношей забрался в ее школу и чего-то нанюхался или отравился.

Лисе-Лотте опять остановилась, наморщила от удивления лоб. Теперь она видела, что у него на спине.

Два листа бумаги формата А4. На них что-то написано. Кровавые пятна там, где в голую кожу вонзились большие металлические скобки. Предчувствуя самое худшее, Лисе-Лотте подошла вплотную и наклонилась, чтобы посмотреть на его лицо.

Если не вытаращенные глаза, то маленькая круглая дырочка у него на лбу не оставляла никаких сомнений, что парень мертв.

4

Ванья сидела на диване в кабинете Торкеля и ждала. Она пришла слишком рано или же он опаздывал. Вероятно, первое. Торкель был известен своей пунктуальностью. Она поймала себя на том, что нервничает, сама не понимая, почему.

Торкель уже знал правду о Себастиане. Она рассказала ему, когда он позвонил, чтобы узнать, как она себя чувствует. Он не знал, почему она взяла больничный. Думал, наверное, что у нее грипп или что-нибудь другое, что пройдет. Он, разумеется, удивился, но проявил понимание, сказал, что она может оставаться на больничном столько времени, сколько понадобится, и что она знает, где его можно найти, если ей потребуется с кем-нибудь поговорить.

И вот ей потребовалось. Никого другого у нее не было, но было осознание, что своими силами она не справится.

Через стекло она увидела идущего Торкеля. Встала, чтобы собраться, проклиная себя за это инстинктивное движение. Ведь она собирается говорить с Торкелем. С другом и ментором, тут события последнего времени ничего не изменили.

Все будет хорошо, он на ее стороне.

Почему же она ведет себя как взволнованная первоклассница, которую вызвали к директору?

Он заметил ее, еще не дойдя нескольких метров до кабинета, приветливо улыбнулся ей и поднял руку для приветствия, но Ванье показалось, что она увидела у него в глазах некоторое беспокойство. Ее осенило, что он, возможно, так же нервничает перед встречей, как и она.

Он не знает, зачем она пришла. Может, думает, что теряет ее? Так ли это? Зачем она, собственно, пришла?

Ванья сама не знала. Она утратила всякий контроль. На нее это не похоже. Поэтому-то она и нервничает.

– Привет, Ванья. Рад тебя снова видеть, – сказал он, входя и обнимая ее. – Как ты?

– Неважно. – Ванья вдруг почувствовала, как приятно услышать этот вопрос от человека, которого действительно волнует ответ. Волнует она. – У меня все это не укладывается в голове.

– Понимаю, – тихо ответил Торкель, держа ее за плечи на расстоянии вытянутой руки. – На тебя много свалилось.

– Да, это точно...

Торкель слабо улыбнулся ей, чуть крепче сжал ее плечи, а потом пошел и сел в одно из кресел для посетителей. Он кивком показал Ванье садиться на диван напротив него.

– Я вчера мельком виделся с Себастианом, – проговорил он, когда она уселась. – Он тоже почти не бывает здесь.

– Ты сказал ему, что знаешь? – поинтересовалась Ванья.

Торкель отрицательно покачал головой. Что она о нем думает? Она же просила его не говорить. Ведь ей известно, что он никогда не обманет ее доверия.

– Как мы поступим? – продолжил он и наклонился вперед, опершись локтями о колени и соединив кончики пальцев. – Как тебе хочется? Решать тебе.

Увидев его открытый, приветливый взгляд, она пожалела о том, что не может ответить иначе.

– Я не знаю.

– Он даже не в штате, работает консультантом по договору. Если хочешь, я могу сегодня же разорвать договор.

Это стало для нее неожиданностью. Ванья толком не знала, что говорить. Она даже не думала о таком сценарии. Ей казалось, что Себастиан является такой же частью команды, как она. Сейчас ей вдруг представилась возможность изменить это. Вышвырнуть его.

Это непросто.

Одной ее части хотелось никогда больше его не видеть. Другая часть была менее уверена. Более растеряна.

– Я не знаю, – под конец выдавила она. Уклончивый ответ, к которому она все чаще прибегала, предоставляющий право принимать решение другим людям.

– Я могу выставить его прямо сейчас. Решать тебе, – повторил Торкель. Она благодарно кивнула, но неуверенность была столь же велика, как и благодарность. Если не больше.

Она не ненавидела Себастиана Бергмана. Не злилась на него так, как на Анну и Вальдемара. Далеко не так. На самом деле она не желала ему ничего плохого. Она не могла отрицать того, что они сблизилась. Какой-то ее части он даже нравился.

– Мне надо подумать. В каком-то смысле это кажется слишком простым, – сказала она.

– Иногда простое решение является лучшим, – ответил Торкель.

Он прав, но это все равно что пытаться убежать от трудностей. Закрывать на них глаза. Это не для нее. Она не хочет избегать проблем. Она хочет их решать. С ходу. Во всяком случае, пытаться, пока не сдастся.

Она медленно покачала головой.

– Оставь его. Я скажу, если передумаю.

Торкель кивнул. По его лицу было невозможно понять, что он думает о ее решении. Он собирался сказать что-то еще, но его прервал звонок телефона, и на этот раз выражение его лица читалось безошибочно. Раздражение. Он встал, обошел вокруг письменного стола, поднимая по пути трубку стационарного телефона.

– Я занят, – кратко сказал он. Затем он послушал, придвинул к себе лежавший на столе блокнот и взял ручку.

– Откуда, ты говоришь, она звонила?

Торкель начал записывать. Ванья встала с дивана. Она не знала, кто звонит или откуда, но поняла: они только что получили новое задание.

5

Себастиан толком не понимал, как попал на остров Адельсё. Или скорее, он проклинал себя за то, что *позволил* себе угодить на этот остров. Конечно, он всегда играл на «чужом поле», но обычно ему хватало ума проследить за тем, чтобы оттуда можно было в любой момент относительно легко выбраться. Чаще всего пока женщина, с которой он спал, еще не проснулась. Однако на этот раз он подобной предусмотрительности не проявил и приписывал это тому, что его злоупотребление сексом в последнее время резко увеличилось. Необходимость завоевывать почти полностью завладела его существованием.

После Вермланда¹.

После Марии и ее дочери Николь.

Девочка стала свидетельницей убийства кузенов, тети и дяди и, когда ее нашла полиция, отказывалась разговаривать. Себастиан взялся помочь ей справиться с травмой. За это время он привязался к девочке и ее матери. Слишком сильно. Они переехали к нему. Стали маленькой семьей. На долю Николь выпало заполнять пустоту, образовавшуюся после гибели его дочери.

Это было нездорово. Ничего хорошего из этого получиться не могло, и не получилось. Все кончилось тем, что Мария ясно дала ему понять, что больше не хочет его видеть.

А ему хотелось увидеться с ними.

Он посвятил некоторое время попыткам найти их. Это было не очень сложно. Они переехали из квартиры в районе Эншеде в маленький таунхаус в Окерсберге. Себастиан поехал туда, но, оказавшись перед домом, засомневался.

Что делать? Что он может сделать? Ему хотелось объяснить. Как много они для него значат. Как ему хочется опять быть рядом с ними. Что им каким-то образом удалось заставить его почувствовать себя более полноценным человеком, чем он чувствовал себя, начиная со второго дня Рождества 2004 года.

Но он лгал им. Лгал самому себе. Или, как выразилась Ванья, использовал их, когда они были особенно уязвимы. Мария это тоже знала, так что же он выиграет тем, что вновь возникнет в их жизни? Ничего. Поэтому он отказался от своей затеи. Покинул район таунхаусов.

Покинул Марию и Николь. Опять предался случайным, бессмысленным сексуальным связям. Как эта, на острове Адельсё.

¹ Вермланд – провинция Швеции, где расследовалось предыдущее преступление.

6

Сон разбудил его около шести. Как всегда, правая рука была крепко сжата. Распрямляя пальцы, он быстро сообразил, что вставать и сбегать не имеет смысла. Даже если бы он знал дорогу – а он ее не знал – ему совершенно не хотелось идти пешком семь километров до автомобильного паромы, чтобы потом целую вечность сидеть в автобусе, пока он не доберется до Стокгольма. Поэтому он продолжал лежать, глядя в потолок, пока не услышал, что женщина рядом – Кристина... какая-то – начала просыпаться. В ту же секунду, как она открыла глаза, он улыбнулся ей и быстро погладил ее по щеке.

– Доброе утро.

Она потянулась и уже собиралась запустить руку под его одеяло, когда он отбросил одеяло в сторону и встал.

– Я приму душ. Можно я воспользуюсь полотенцем?

Кристина, как ему показалось, осталась несколько разочарованной его поспешным уходом. Но он действительно не хотел даже думать о том, чтобы снова заниматься сексом. Напряжение, задача управлять процессом соблазнения, вести игру – это заставляло его на короткое время забыть медленно отравлявшие его боль и чувство вины. Вот в чем он нуждался. Без этого дополнительный секс был бы просто мучением.

Когда он вышел из душа, Кристина уже приготовила ему завтрак. Голода Себастиан не ощущал. Обычно он любой ценой пытался избегать подобных ситуаций. Фальшивое чувство общности, иллюзия того, что их что-то объединяет – хотя они, если это будет зависеть от него, никогда больше не встретятся – заставляли его содрогаться.

– Хочешь после завтрака пойти прогуляться? – спросила Кристина, намазывая масло на домашний багет, который она разогрела в микроволновке.

– Нет, я хочу, чтобы ты отвезла меня к парому, – честно ответил Себастиан. – А еще больше, чтобы ты довезла меня до города.

Кристина воткнула нож обратно в масло и улыбнулась Себастиану с некоторым удивлением, словно услышанное никак не вписывалось в ее планы на день.

– Ночью ты сказал, что тебе сегодня не надо особенно торопиться обратно.

– Ночью я говорил все что угодно, чтобы переспать с тобой.

Тоже правда, но в этой ситуации откровенность повлекла за собой последствия.

Положительным стало то, что нежелательный завтрак сразу закончился.

Отрицательным – то, что Кристина не намеревалась никуда его везти, даже на метр. Поэтому теперь Себастиан шел по тому, что называлось окружной дорогой острова, в надежде, что она выведет его к паромам.

У него зазвонил телефон. Он поймал себя на мысли, что надеется на то, что это Ваня. Примерно месяц назад, ночью после свадьбы Билли, ему пришлось рассказать ей то, что он уже некоторое время знал.

Что он ее отец.

Ваня, разумеется, была в шоке. Поначалу она не хотела ему верить, а потом, убедившись, что он говорит правду, выставила его. Не потому, что больше вообще не хотела его видеть, а скорее от потребности побыть одной.

Ей требовалось время, чтобы переварить это. Она собиралась позвонить ему, но так и не позвонила.

Себастиан достаточно хорошо ее знал, чтобы понимать: их временами хрупкие отношения имеют шанс на выживание, только если в дальнейшем все будет происходить на ее условиях. Темп должна определять она. Малейший намек с его стороны на форсирование событий приведет к тому, что она отвернется от него навсегда.

Поэтому он был одинок. Он плохо умел переносить одиночество. Потому-то он и шел по острову Адельсё.

Звонила опять не Ваня. Звонил Торкель. Пришла пора снова браться за работу.

7

Урсула удивилась, увидев, что в двери терминала входит младшая коллега. Торкель не был уверен в том, поедет ли Ванья с ними, но ему явно удалось ее уговорить. Урсула полностью приняла бы решение Ваньи переждать. Она сама толком не знала, хочется ли ей дальше работать с Себастианом. Не только потому, что он – печально известный, злоупотребляющий сексом вун, который к тому же оказался отцом Ваньи.

У Урсулы имелись собственные причины. Она лишилась правого глаза из-за того, что находилась возле него, вдвоем с ним, у него дома.

В воздухе витал секс.

Возможно, нечто большее, по крайней мере с ее стороны, хотя сейчас она ни за что бы в этом не призналась. Бывшая сожительница и приставленный к дверному глазку пистолет. Себастиан потом даже не навещал ее в больнице. Без особого энтузиазма попросил прощения и хотел, чтобы они продолжили с того места, где закончили. Будто ничего не произошло.

– Себастиан тоже придет? – обратилась она к стоявшему в шаге от нее Торкелю.

– Да, обещал.

– А Ванья к этому относится нормально?

– Да.

– Не можем ли мы поставить этот вопрос на голосование? – спросила она, махнув рукой Ванье, которая остановилась прямо возле стеклянных дверей и озиралась в поисках знакомых. Та помахала в ответ и направилась к ним с черным чемоданчиком на колесах, который всегда брала с собой. Выглядела она, по мнению Урсулы, на удивление собранной. Возможно, чуть бледнее обычного. И, похоже, потеряла несколько килограммов.

– Если он поедет с нами, это создаст какую-то проблему? – поинтересовался Торкель, и она почувствовала на себе его изучающий взгляд. Что-то было в его тоне... Она думала, что он уже пережил то, что она находилась дома у Себастиана, когда в нее выстрелили. Что с этой главой, с изначальной ревностью, покончено. Однако, возможно, нет. Хотя и она, и Себастиан, оба объясняли, что все было в высшей степени невинно. Приятный ужин. Не более того.

– Себастиан – это всегда проблема, – ответила она, слегка пожав плечами, чтобы снять драматизм ситуации.

– Лично для тебя?

Совершенно точно не покончено.

– Нет, – вздохнула она. – Не больше обычного.

К ним подошла Ванья, и Урсула удивила и ее, и саму себя тем, что обняла ее. Обычно она никого не обнимала. Даже собственную дочь.

– Привет, дорогая, как твои дела? – произнесла она.

Ванья ласково посмотрела на Урсулу, благодарная за неожиданную заботу.

– Все нормально. Хорошо, что опять начинается работа.

Она повернулась к Торкелю и продолжила, уводя разговор от своей личной жизни.

– В такси я успела просмотреть только первый отчет, – немного извиняясь, сказала она. – Нам известно что-нибудь еще?

– Не особенно много, – ответил Торкель. – Два убийства. Эффектные. Идентичные. Жертвы застрелены в лоб, обнаружены в школьных классах, с колпаком на голове и с прикрепленным к спине своего рода... тестом. Первое совершено в Хельсингборге на прошлой неделе, второе позавчера в Ульрисехамне.

– Значит, убийца перемещается?

– Похоже на то, – ответил Торкель. – К сожалению, первый отчет полиции Хельсингборга грешит некоторыми недостатками.

Урсула покачала головой.

– Наверное, нам придется в обоих местах начинать все заново, как обычно, – язвительно сказала она.

– Этого мы пока не знаем. Хорошие полицейские существуют даже за пределами Госкомиссии, – донеслось от Торкеля.

– Жаль, что мне они никогда не встречаются, – парировала Урсула с улыбкой. – Я знаю, что ты стремишься защищать провинциалов, но даже ты должен признать, что отчет полиции Хельсингборга не выдерживает никакой критики.

Она посмотрела на Ванью, ища поддержки, но обнаружила, что внимание коллеги обращено в совершенно другую сторону. Урсула развернулась и увидела то, что уже заметила Ванья. Через стеклянные двери неторопливо входил Себастиан с таким видом, будто у него вообще нет ни единой проблемы. Позади него Урсула увидела Билли, вылезавшего из такси и торопливо направляющегося к дверям.

Вся компания в сборе... Увидев Ванью, Себастиан остановился, всю беззаботность внезапно как ветром сдуло.

– Я пойду, поговорю с ним, – тихо сказала Ванья, отрывая руку от чемодана.

– Хочешь, чтобы я пошел с тобой? – почти по-отечески спросил Торкель.

– Не надо.

Она направилась к Себастиану, который поставил чемодан, явно решив дождаться ее. Мимо него прошел Билли. Он коротко кивнул Себастиану и, не останавливаясь, проследовал дальше, к Урсуле и Торкелю. Себастиану были известны темные тайны за его невозмутимым внешним видом. Он знал, что скрывает Билли. Однако сейчас он был благодарен за то, что коллега притворился, будто все нормально. Ему требовалось сосредоточиться на дочери.

– Привет, Ванья, – спокойно сказал он, когда ей оставалось до него несколько метров. – Я не был уверен в том, что увижу тебя здесь.

– Тем не менее я здесь.

– Ты говорила, что позвонишь...

Пройдя последние шаги, Ванья подошла так близко к нему, что он мог чувствовать запах ее шампуня. Казалось, будто она пыталась создать среди толпы некую личную зону.

– Я сегодня заходила на Грев-Магнигатан, – начала она тихо, чтобы проходившие мимо люди не слышали, о чем они говорят. – Но тебя не было дома.

– Да, я был у... приятеля.

Себастиан опять проклял то, что угодил на Адельсё. Держись он пределов центральной части города, он, вероятно, не упустил бы возможности встретиться с Ваньей.

– У тебя нет никаких приятелей, – излишне сурово заметила Ванья. – Наверное, ты с кем-нибудь трахался, – продолжила она, вновь показав, что слишком хорошо его знает.

Себастиан понимал, что существуют более и менее удачные случаи для лжи. Этот был одним из самых худших.

– Прости, – честно сказал он. – Я не знал, что ты придешь. Тебе следовало сначала позвонить.

– Идея возникла внезапно, – пожав плечами, проговорила Ванья. – Я ходила к Торкелю, и мне хотелось, чтобы ты узнал, что я рассказала всем в команде о нашем... родстве.

– Что я твой отец.

Она смотрела на него с некоторой холодностью. Ему это так легко, а ей так трудно. Несправедливо.

– Тебе ведь нравится себя так называть?

– Да, нравится, – кивнул он. – Я горжусь тобой. Но если тебе это неприятно, я прекращу.

Он оглядел терминал. Чуть поодаль в ряд стояли Торкель, Урсула и Билли, обратив взгляды к нему и Ванье. Себастиан чувствовал, что по крайней мере двоим из них, а возможно,

всем троим, больше всего хотелось бы, чтобы он развернулся и ушел. Покинул их навсегда. Но их мнение его не интересовало. По-настоящему его интересовала только та, что стояла перед ним.

– Пока я тебя не потеряю, я буду полностью подчиняться твоему желанию, – произнес он и, даже особенно не подумав, взял ее за руку. К его удивлению, Ваня руки не отдернула. – Ты была к этому не готова, – продолжил он с той же искренностью. Это вполне мог оказаться самый важный из предстоящих ему разговоров. Возможно, самый важный из тех, которые он когда-либо вел. Он не намеревался рисковать, отстраняясь эмоционально. – Я понимаю, что ты злишься на меня. Злишься на всех. Я понимаю, что...

Он умолк, подбирая слова. Он балансировал на очень зыбком мосту. По обеим сторонам пропасть, и дочь может сбросить его туда в любой момент.

– С тех пор как я узнал, кто ты, я больше всего боялся того, что мы будем вот так стоять и ты просто уйдешь. Никогда непустишь меня обратно. Я смертельно боялся этого. Смертельно боюсь.

Перед тем как продолжить, он сделал глубокий вдох. Он не имел представления, трогают ли Ваню его слова. Выражение ее лица мыслей не открывало. Правда, он по-прежнему держал ее за руку.

– Но это твоя жизнь. Выбор должен оставаться за тобой.

Он умолк. Ему хотелось сказать больше, но получилось бы слишком много слишком серьезных вещей для обсуждения в шумном и оживленном аэропорту. Поэтому он ждал. Как ему показалось, целую вечность.

– Ты можешь быть моим коллегой, – под конец ответила она. Спокойно и сдержанно. – В остальном... – Она замолчала. Похоже, она тоже тщательно подбирала слова. Она пристально посмотрела на него красивыми голубыми глазами. – Ты мне не отец. В том смысле, чтобы вместе праздновать Рождество и получать от меня цветы на День отца.

Себастиан кивнул. Получилось лучше, чем он смел надеяться.

– Сейчас мне с этим не справиться, – продолжила Ваня, словно она ожидала, что он будет возражать. – Возможно, я никогда не справлюсь. Мы можем быть только коллегами. Ты с этим справишься?

Себастиан выдохнул с глубоким облегчением. Она все-таки приняла маленькую частицу его, а это лучше, чем ничего.

– Я приложу все усилия, – с достоинством ответил он.

– Приложи больше, – сказала Ваня и сумела улыбнуться ему. – Все твои усилия я уже видела.

С этим она оставила его и пошла обратно к остальным.

Голос из громкоговорителя сообщил, что пассажирам, вылетающим в Гётеборг, следует пройти к выходу 37. Себастиан взял чемодан и двинулся вслед за коллегами.

8

На примерно восьмидесятикилометровом пути от аэропорта Ландветтер до города Ульрисехамн Билли, как всегда, игнорировал любые ограничения скорости и камеры автоинспекции, поэтому не прошло и сорока пяти минут с того момента, как они сели в машину перед залом прибытия, а перед ними уже распростерлось озеро Осунден. Себастиану помнилось, что он где-то читал о какой-то важной битве, произошедшей на его льду. Но когда, между кем, кто победил и каковы были последствия, он не имел представления.

Они проехали мимо северной оконечности озера и большого кемпинга, где кипела жизнь, потом навигатор сообщил, что им следует повернуть направо и еще раз направо, на Буросвэген – улицу, которая, на взгляд Себастиана, выглядела, как все другие въезды в маленькие городки, где ему довелось побывать. Много зелени. Старые жилые дома чередовались с отдельными магазинами и мелкими предприятиями. Потом с правой стороны появились многоквартирные дома, где по крайней мере верхние этажи должны были иметь вид на озеро и, наверное, стоять соответственно. И вот они подъехали к зданию полиции. В лучах вечернего солнца оно казалось недавно построенным. Нижний этаж из кирпича, а выше желтая штукатурка. Зеленые маркизы, по бокам от входа – эмблемы полиции. Билли свернул налево и припарковался возле круглого газона, на котором стояли прислоненными друг к другу три камня – своего рода мини-Стоунхендж.

– Торкель Хёглунд? – услышали они сзади, выйдя из машины. Все обернулись и увидели идущую к ним женщину лет сорока пяти, которая отвела руку с ключами от машины назад, и зеленый «Пассат» чуть дальше на парковке мигнул. – Эва Флурэн, полиция Буроса, Вестра Гётланд, это я звонила вам сегодня утром.

Торкель пожал протянутую ему руку и представил остальных членов команды.

– Я только что приехала из судебно-медицинской лаборатории Гётеборга, – продолжила Эва, жестом приглашая их в здание. – Благодаря отцу жертвы мы смогли провести опознание.

Она провела их через ресепшн, где за стойкой сидели, уставившись каждый в свой экран компьютера, два полицейских в форме. Никаких посетителей. Движение карточкой-ключом, жужжание дверного замка, и они очутились внутри отделения полиции.

– Кофе? – спросила Эва, когда они проходили мимо кухни для персонала, где все: скамейки, шкафы и столы, было из какого-то светлого дерева. Изогнутый кухонный островок со свисающим над ним с потолка шкафчиком отделял угол с холодильником и морозильной камерой, мойкой, кофеваркой, микроволновками и рабочими поверхностями, от территории перед ним, где вокруг стола стояли стулья с темно-розовой обивкой. На всех окнах белые занавески в крупный горошек. Кто-то усиленно поработал, чтобы придать комнате ощущение современного рабочего места, и довольно хорошо преуспел.

– Да, пожалуйста, – ответил Себастиан на вопрос о кофе, все остальные отказались. – Черный и, если можно, с одним кусочком сахара.

Ванья посмотрела на него. Возможно, ему действительно хотелось кофе, но она заподозрила, что его положительный ответ и последовавшая за ним теплая улыбка были прелюдией к попытке соблазнить женщину-комиссара из Буроса, которая как раз вынимала из шкафчика чашку рукой с отчетливо просматривавшимися помолвочным и обручальным кольцами. Но разве для Себастиана это имеет значение?

– Большое спасибо, – сказал он, когда Эва минутой позже протянула ему чашку с горячим напитком. Новая улыбка, и Ванья со вздохом отметила, как он, принимая чашку, постарался коснуться рукой руки Эвы. Если раньше у нее еще имелись сомнения, то теперь они развеялись. Собственно, ничего нового, именно этого она от Себастиана и ожидала, но теперь, когда она знала, кто он, его поведение казалось ей еще более неподобающим. Думать о нем

только как о коллеге в данной ситуации не получалось. Она задумалась, не нужно ли поговорить с ним об этом.

Эва провела их в комнату для совещаний. На стене висела белая доска, стояли такие же, как на кухне, темно-розовые стулья, такие же занавески в горошек на окнах.

– Это ваша комната. Она здесь единственная. Если она вас не устроит, придется ехать к нам в Бурос.

Повернутые к доске столы стояли парами, в три ряда, а не были сдвинуты в центр, как обычно бывало в комнатах, выделяемых Госкомиссии.

– Комната подойдет, – сказал Торкель. – Она больше тех, которые нам обычно отводят.

– Сейчас, с рядами столов, она немного напоминает школьный класс, – продолжила Эва, почти извиняясь. – Но если захотите, вы можете потом переставить мебель.

Они заняли места. Урсула, Ваня и Торкель сели на первый ряд. Себастиан и Билли пристроились за ними. Перед каждым лежала темно-зеленая папка.

– Вы успели познакомиться с материалом? – поинтересовалась Эва.

– Кто-то лучше, кто-то хуже, но мы, тем не менее, с удовольствием послушали бы вашу версию, – ответил Торкель.

Эва кивнула, открыла такую же папку, как и те, что лежали перед ними, и подняла фотографию молодого человека с хорошо развитой мускулатурой, который расслабленно улыбался на камеру.

– Мирослав Петкович, двадцать один год, найден мертвым вчера во второй половине дня в классе химии школы Хильдинг, – начала Эва.

– Мирре, – произнес Билли, словно внезапно увидел старого знакомого.

– Да, его так называли.

– Я только сейчас связал это, – покачав головой, продолжил Билли.

– Что ты только сейчас связал? – поинтересовался Торкель и посмотрел на Билли с любопытством.

– Он стал третьим в реалити-шоу «Отель Парадиз», – сказал Билли так, будто это все объясняло.

Коллеги были удовлетворены и этим.

– Сегодня утром мы получили сведения о том, что на прошлой неделе в Хельсингборге произошло аналогичное убийство, – продолжила Эва. – Тогда мы решили связаться с вами.

– Патриция Андрэн, – вставил Торкель.

– Именно, но это почти все, что нам известно. Ее нашли в школе, тоже с колпаком на голове, застрелена в лоб, и к телу прикреплено что-то вроде теста, как у Петковича. Надеюсь, что более подробный отчет уже выслали.

– Хорошо, – кивнул Торкель. – Что мы знаем о Петковиче, кроме того, что он мертв?

– Как уже было сказано, он приобрел определенную известность после участия в этом реалити-шоу. По словам отца Мирослава, Габриэля Петковича, сын в прошлый вторник собирался встретиться с каким-то журналистом для интервью. За ланчем. С тех пор его никто не видел.

– Отец знал имя журналиста? – спросила Ваня, впервые вмешавшись в процесс передачи дела.

– Да, Свен Катон. В Швеции есть шесть человек с таким именем. Никто из них им в обычной жизни не пользуется.

– Среди них есть журналист? – продолжила Ваня, прекрасно зная ответ. Будь все так просто, сюда бы не вызвали Госкомиссию.

– Нет, мы, разумеется, проверяем, но исходим из того, что имя фальшивое.

– Нам известно, была ли встреча? И если да, то где они встретились? – закончила Ваня.

– Еще нет, нам удалось пока не открывать прессе его имя, поэтому у нас нет никаких наводок.

– Так ли это умно? – поинтересовался Торкель с откровенным недовольством в голосе. Петковича, судя по всему, убили более сорока восьми часов назад. Важные первые двое суток. Чем дольше они ждут, тем менее ценными становятся показания свидетелей, видевших его во вторник.

– Наверняка нет, но это было пожелание отца.

Торкель тяжело вздохнул и кивнул. В таких случаях всегда трудно решать.

– Если пресса сама не выведает имя, нам придется завтра сделать заявление. Мы должны как можно точнее восстановить его последние часы.

– Теперь это ваше расследование, – сказала Эва. – Вы можете обнародовать его имя когда захотите. Я лишь объясняю, почему мы до сих пор этого не сделали.

– А школа? – прервала их дискуссию Урсула. – Там есть какие-то следы?

Эва, отвечая, отрицательно покачала головой, что уже стало для Урсулы достаточным ответом.

– Класс является местом обнаружения, а не местом преступления.

– А остальная часть школы?

– Была взломана одна дверь на первом этаже. Ничто не указывает на то, что его убили именно там.

«Ничто – из обнаруженного местной полицией Ульрисехамна – не указывает на то, что его убили именно там», – хотела поправить ее Урсула, но вспомнила, что Торкель просил ее держать отсутствие доверия к провинциальным полицейским при себе.

– А сигнализация? – спросила она, хотя заранее знала ответ. Новое покачивание головой это подтвердило. Урсула вздохнула.

– Я хочу взглянуть.

– Само собой разумеется, когда мы закончим, я вас туда отвезу.

Себастиан просматривал фотографии с места обнаружения. Стул, веревка вокруг живота, удерживающая жертву в вертикальном положении, лицом в угол, белый колпак на голове. Действующий по продуманному плану серийный убийца с некой идеей.

Обычно Себастиан при передаче дела слушал вполуха, но что-то в этом жутком сценарии его привлекло. Пролистав материалы в папке, он нашел то, что искал. Копию листов, прикрепленных к спине жертвы. Некоторые части, где текст покрывала кровь, прочесть было трудно, но Себастиан быстро пробежал их глазами.

– Себастиан, что ты можешь сказать прямо сейчас? – оборачиваясь назад, спросил Торкель.

Себастиан выпрямился, оторвал взгляд от папки и пожалел о том, что у него нет очков, чтобы солидно поднять их на лоб или смотреть поверх них, сдвинув их на кончик носа. Возможно, стоит их завести. Добавить себе немного профессорского вида. Он слабо улыбнулся Эве, которая на этот раз на улыбку не ответила.

– Мужчина. Не очень молодой. Ближе к пятидесяти. Я думаю, он наказывает их, ставя в угол. Знает, что такое этот дурацкий колпак для нерадивых учеников, который надевали на голову. – Себастиан опять посмотрел на фотографии. – Он считает, что этому молодому человеку должно быть стыдно. Похоже, за плохое общее образование.

– В этом году в «Отель Парадиз» был сюжет, когда участникам давали задания из школьной программы и им постоянно приходилось прикрываться подушкой, – вставил Билли. – То есть мало кому удавалось отвечать правильно.

– Тот, кто совершил это, наверное, связывался с Петковичем и каким-то образом высказывал ему презрение.

– Вы нашли его мобильный? – снова перебил Билли. Эва опять покачала головой.

– У нас есть его компьютер...

– Поищите в его почте, в комментариях, если он вел блог, в его аккаунте в Инстаграме, в Твиттере, – сказал Себастиан. – Этот мужчина где-то объявлялся.

– Знаешь, таких парней в одинаковой степени ненавидят и любят. Там наверняка имеется довольно много всего.

Торкель опять повернулся вполоборота к Себастиану.

– Что нам надо искать?

Себастиан продолжал смотреть на фотографию привязанного парня с колпаком на голове.

– Хорошо сформулированные записи, выражающие презрение. Никаких угроз. Никаких ругательств. С правильной орфографией.

Он посмотрел на остальных и почувствовал, что ему опять не хватает очков.

– Еще одно, впрочем, возможно, вы уже просчитали сами. – Он сделал маленькую театральную паузу. Дождался полного общего внимания. – Если он совершил это дважды за одну неделю, то на этом он не остановится.

Газета «Эскильстуна-Курирен»

Редакция читательской почты

Ящик 120

631 02 Эскильстуна

Их суют повсюду.

Хотя они не способны принести никакой пользы.

Все эти люди из разных реальности-шоу и блогов. Физически почти идентичные со своими татуированными торсами (мужчины и женщины) и накачанными силиконом губами и грудью (женщины). Интеллект у всех на уровне двухлеток.

Каждый день телевизионные каналы внушают, что поверхностность, невежество и чистый идиотизм являются качествами, которые в новое время наиболее надежно ведут к успеху.

Используют ли у нас умных, тех, кто действительно что-то знает? Ставят ли их рядом? Нет, как молодых, так и старых, обладающих умственными способностями и основательным запасом знаний, цинично отбрасывают в сторону.

Они не делают «хорошее телевидение».

Не вызывают «замирания сердец».

Не становятся «нюсмейкерами».

Эти люди ничего не знают и гордятся этим, а их сейчас возводят в образцы для подражания и в идолы.

Как говорит талантливый Кристиан Лук в программе, которая, слава Богу, по-прежнему свободна от этого прославляемого полного невежества: «Куда мы движемся?»²

Катон Старший

² Имеется в виду очень популярная в Швеции викторина, где каждая часть начинается с такого вопроса и участники должны при помощи видеоролика и подсказок догадаться, в какой город они направляются.

9

Нормальная гостиница. Нормальный номер. Тем не менее Билли хотелось только уйти отсюда.

Он уселся для того, чтобы начать разбираться с компьютером Петковича. Экран «Aspire, 17,3», оперативная память 4 гигабайта, жесткий диск на 500 гигабайт. Билли собирался составить общее представление, прикинуть, сколько предстоит работы, когда он примется искать всерьез. Он уже знал, что Мирре ведет Инстаграм и Твиттер, но как обстоит дело с Фейсбуком, вел ли он блог, возможно, имел аккаунт в фотохостинге Flickr, хотя это и не так обычно?

Однако сосредоточиться не получалось. Он очень любил работу такого типа. Хорошо с ней справлялся. Команда ожидала, что он выполнит ее, а их высокая оценка значила для него очень много. Тем не менее, не успел он начать поиск, как мысли устремились вдаль.

Он думал о Йеннифер. Разозлился на себя за то, что думает о ней, а не о жене. Поэтому он стал думать о Мю. О медовом месяце – десяти замечательных дней в Турции – а потом переключился на свадьбу.

На брачную ночь. Утро после нее. Тут все пошло насмарку.

Билли закрыл ноутбук и со вздохом встал. Подошел к окну и посмотрел на озеро. Чем же заняться? Когда они заселились, на ресепшне сказали, что в гостинице есть небольшой зал для фитнеса. Потренироваться? Как-то не хотелось. Кроме того, в таком случае уж лучше пойти на пробежку. Позвонить кому-нибудь? В голове вновь всплыло имя Йеннифер. Почему, он не знал. Примерно за месяц до свадьбы они один раз поцеловались, и все. Правда, обоим хотелось пойти дальше, но Билли воспротивился. Он собирался жениться – и женился – на Мю. Он любит Мю, поэтому уж если с кем-то и разговаривать, то надо бы с ней. Но с Йеннифер все проще. Они больше похожи. У них больше общего. Она по-другому понимает его.

Но она, разумеется, ничего не знает о брачной ночи. Об утре после нее. Этого не понять никому, даже ему самому.

Впрочем, от того, что он будет стоять в душном гостиничном номере и позволять мыслям захватить себя, лучше не станет. Он схватил куртку и вышел из комнаты.

Минутой позже он спустился по лестнице в вестибюль. Оглядевшись, обнаружил, что в одном из коричневых кресел позади ресепшна сидит Себастиан и читает. Билли надеялся, что успеет выскользнуть на улицу незамеченным, но Себастиан как раз оторвался от газеты и встретился с ним взглядом. Билли тихо выругался про себя. Почему Себастиан сидит в вестибюле? Почему он не у себя в номере или не отправился на поиски какой-нибудь жительницы Ульрисехамна, чтобы с ней переспать? Ведь обычно он поступает именно так. Неужели Себастиан караулит его?

– Ты куда? – услышал он через вестибюль громкий голос Себастиана, который встал с кресла и двинулся к нему, натягивая по пути куртку.

– На улицу.

– Я пойду с тобой.

Констатация факта, не вопрос. Мнение Билли его явно не интересовало.

– Мне не нужна нянька.

– Рассматривай меня скорее как... друга животных.

Билли не смог даже ответить, а просто распахнул дверь и очутился на круглой, мощенной булыжником площади перед входом в гостиницу. Хотя на улице было по-прежнему тепло, он застегнул тонкую куртку и, не говоря ни слова, пошел прочь от гостиницы. Свернул направо через маленький газон, потом еще раз направо.

Себастиан, не отставая, шел следом, и они вместе пересекли большую дорогу по направлению к озеру. Добравшись до него, Билли предпочел пойти влево, чтобы ветер дул в спину. Себастиан молча шел рядом с ним.

Виной тому, что за последний месяц так много всего произошло, был Билли. Он догадался о родстве Ваньи и Себастиана. Старая добрая полицейская работа по сбору ДНК подтвердила возникшее у него подозрение.

Он угрожал Себастиану, что расскажет обо всем Ванье, если тот не забудет об увиденном. О том, что Билли в ночь собственной свадьбы задушил кошку и получил от этого удовольствие. Сексуальное.

Себастиан, конечно, предпочел бы забыть, но не смог. Он незамедлительно рассказал Ванье, что он ее отец, чтобы уничтожить имевшееся у Билли преимущество. Потом ему пришлось размышлять. Решать: рассказывать Торкелю или нет.

Об Эдварде Хинде, о Чарльзе Седерквисте. О двух людях, которых Билли был вынужден убить по долгу службы. Себастиан удивлялся отсутствию у Билли реакции на смертельные выстрелы, но он даже в самых безумных фантазиях не мог представить себе, что у Билли в голове убийство свяжется с наслаждением и что эта связь направит его по опасному пути.

У Билли разрушился естественный барьер, который в обычных случаях не позволяет человеку воплощать свои фантазии в жизнь. Ему требовалось выстраивать этот барьер заново, ведь фантазии никуда не денутся. Главное – твердо знать, где их место, что они именно фантазии и нельзя поддаваться вызываемому ими импульсу.

Себастиан настаивал на том, чтобы Билли занялся этим. Обратился за помощью. Насколько он знал, до сих пор ничего этого не произошло.

Когда они немного прошли вдоль берега, Себастиан нарушил молчание.

– Зачем ты вышел на улицу?

– Я должен, черт возьми, иметь право покидать гостиничный номер.

– Не находишь себе места?

Билли не ответил, что Себастиан истолковал как «да».

– Как у тебя с Мю?

Билли не ответил. Да этого и не требовалось. Естественно, с Мю возникали трудности. Тайны тяготят, а эта – одна из самых больших, какие бывают. Билли приходилось заниматься переоценкой большей части того, что, как ему думалось, он о себе знал, и посреди всего этого справляться с работой и поддерживать любовные отношения.

– Ты пока ни с кем не поговорил? – спросил Себастиан, чувствуя, что начинает слегка уставать. Билли шел быстро, а его форма не позволяла поддерживать этот темп. Он увидел, что они приближаются к еще одному кемпингу. Сколько же их в этой глуши?

– Ты знаешь, что если ты не поговоришь со мной, то я поговорю с Торкелем.

Ему показалось, что Билли немного замедлил шаг.

– Почему же ты просто не пойдешь и не поговоришь с ним?

Вполне логичный вопрос. Себастиан размышлял над этим. Почему он хранит молчание? Особо глубоких чувств к Билли он не питает, но Ваня его любит. Неизвестно, как она отреагирует, если Себастиан окажется человеком, сообщившим новость, которая расколется команду. А вдруг Ване придет в голову обвинить во всем «доносчика»? Позволить себе рисковать он не может. Кроме того, нельзя не признать, что иметь маленькое преимущество приятно. Знание того, чем занимается Билли, создает хорошую основу для переговоров, если вдруг потребуется какая-то услуга или поддержка. Билли наверняка об этом догадывается, но подтверждать это незачем.

– Так как у тебя с Мю? – повторил Себастиан.

На мгновение он подумал, что и на этот раз не получит ответа, но потом услышал, как Билли сделал глубокий вдох, выпустил со вздохом большую часть воздуха и произнес:

– Она сейчас у родителей, и я рад, что мне не надо ежедневно с ней встречаться.
Себастиан молча кивнул.

– Я стараюсь ей не звонить, – продолжил Билли. – Я только что женился и не хочу разговаривать с женой. Я ответил на вопрос, как у меня с Мю?

– Да, ответил, – согласился Себастиан.

– Хорошо.

Они пошли дальше.

10

Урсула вернулась в гостиницу около половины девятого вечера.

Было совершенно очевидно, что Мирослава Петковича убили не в школьном классе. Тело туда каким-то образом перевезли. Способ и место убийства надо попробовать установить с помощью камер наблюдения, если таковые имеются. Это – дело Билли.

Она прошла по школе Хильдинг, чтобы сориентироваться, но с ходу ничего не обнаружила. Коридоры, белая дверь, за ней класс химии, взломанная входная дверь на первом этаже. Против воли пришлось признать, что полиция Бурса действительно хорошо поработала. Они уже обследовали заинтересовавшие Урсулу места и составили добротный отчет. Она собиралась вечером перечитать его, а утром первым делом позвонить ответственным криминалистам. Личный контакт с теми, кто проводил первоначальное обследование, очень важен. Она почти всегда перенимала дела от кого-то другого, редко оказывалась на месте преступления первой. Задokumentированный материал являлся основой, но личная встреча обычно углубляла знания. Только так ей удавалось понять, как криминалисты работали, как они думали, и таким образом, возможно, найти детали, которые те не искали или, в худшем случае, упустили.

Иногда случалось, что полиция на раннем этапе останавливалась на какой-то версии и пыталась добыть доказательства, подтверждающие их теорию, вместо того, чтобы позволить уликам вести их за собой, быть объективной основой для выстраивания теории. Тогда очень помогало обстоятельное изучение материала. Для Урсулы технические доказательства не подлежали обсуждению, все остальное могло истолковываться, искажаться и наводить на ложный след, а доказательства были точными и истинными.

Вероятно, поэтому она любила их больше, чем людей.

Урсула положила сумочку на одну сторону кровати, а сама прямо в обуви улеглась на другую. День получился длинным, и она чувствовала себя усталой. Глазной протез казался сухим, и она несколько раз моргнула, чтобы смочить его. Она уже начала привыкать к тому, во что изначально трудно было поверить.

Наибольшую трудность представлял не сам протез и уход за ним, а полное отсутствие обзора с правой стороны. Это сказывалось на психическом равновесии: чтобы воспринимать окружающий мир, ей приходилось все время крутить головой, так что все получалось намного медленнее.

Правда, могло быть хуже. Гораздо хуже. Она сделала глубокий вдох.

Приятно вернуться в группу, к активной деятельности. Она соскучилась. Ведь Урсула и жила ради таких поездок, как эта. Чем сложнее дела, тем лучше, сразу появлялась концентрация, которой так не хватало в повседневной жизни. Это заставляло ее чувствовать себя живой. Конечно, она работала во время реабилитации, но сидеть дома перед компьютером и находиться на месте – не одно и то же. Дома реальная жизнь подступала слишком близко, оказывалась слишком навязчивой. «На земле» ее не существовало, там все было подчинено расследованию.

Урсула села и огляделась. Похоже, хозяева гостиницы «Бугесунд» имели пристрастие к ярким обоям. Стену над кроватью покрывали большие красные цветы, перемежающиеся зелеными листьями. Большой разницы с ее собственным спартанским стилем и быть не могло, что само по себе приносило освобождение. Она чувствовала себя не дома во многих отношениях.

Ей было интересно, такие ли обои в номере у Торкеля. Они с Торкелем довольно давно не спали в одной кровати. Раньше, до того, как в Госкомиссии вновь появился Себастиан, они частенько оказывались в номере Торкеля. Просто и естественно. Для нее речь никогда не шла о любви, но существовала некая общность, и ей не хватало ее все больше и больше.

У них было соглашение.

Только на работе. Дома – никогда. Никаких планов на будущее.

Ей это подходило идеально. Днем все сосредотачивалось на работе, а ночью она могла предаваться непритязательной любовной связи. Большого ей не требовалось. Торкель надеялся на большее, она знала, на что-то более постоянное. На серьезные отношения.

Пока она была замужем, он довольствовался тем, что ему доставалось. Но потом, когда Микке оставил ее и никаких препятствий больше не существовало, ситуация стала совершенно ясной. Как ни странно, оказавшись одна по-настоящему, она поняла, что гораздо меньше хочет быть с ним. Не потому, что скучала по Микке – там речь о любви никогда и не шла, пришлось это признать, когда она разбиралась в самой себе. Во всяком случае, с ее стороны. Но желание Торкеля шагнуть от непритязательности к серьезности не сочеталось с тем, какая она есть и какие отношения ей хотелось иметь. Под конец ее сопротивление ликвидировало их регулярные свидания.

Впрочем, возможно, они смогут достичь компромисса. Урсула достала мобильный телефон. Задумалась, не послать ли ему эсэмэс. Просто спросить, как он себя чувствует. Не спит ли он. Он бы понял.

Одна эсэмэска, и все будет как прежде. Он появится через тридцать секунд.

Заманчиво, но в то же время, она здорово устала. Казалось увлекательным позволить себе еще немного пофантазировать. Завтра она чуть-чуть приблизится, дотронется до него, возьмет инициативу на себя. Проявит себя с новой стороны. Соблазнит его.

11

Ванья и Билли отправились в Хельсингборг сразу после раннего завтрака. Согласно навигатору, путь от Ульрисехамна до улицы Берга-алле 25 в Хельсингборге, где располагалось здание полиции, занимал два часа сорок пять минут, но, поскольку за рулем взятой напрокат машины сидел Билли, они могли добраться часа за два. Так он, по крайней мере, утверждал. Когда они оказались чуть южнее города, Ванья достала полученный утром новый отчет полиции Хельсингборга и начала его просматривать.

Жертву звали Патриция Эллен Андрэн, родилась в Мальмё в 1989 году. Мать-одиночка, один ребенок. Работала парикмахером. В материале имелось несколько ее снимков – большинство с места преступления, но два снятые при жизни, на вид профессиональные. Один на пляже, в бикини. Ванье она показалась знакомой. Или знакомым был просто типаж. Брюнетка с пышными формами, татуировка пониже спины, увеличенная грудь и слишком широкая улыбка на подкачанных губах.

– Нашла что-нибудь интересное? – спросил Билли.

Ванья показала ему одну из фотографий, в купальнике. Билли быстро покосился на нее.

– Черт, ее я тоже знаю, – с удивлением произнес он.

– Ты уверен?

– Погугли ее. Я совершенно уверен, что она тоже участвовала в какой-то телевизионной программе.

Ванья взяла мобильный телефон и стала быстро искать в Интернете Патрицию Андрэн. Билли оказался прав. Естественно. Фотография в бикини появилась одной из первых. Два года назад Патриция участвовала в программе для знакомств «Мать-одиночка в поиске». Ванья вздохнула. Только этого им не хватало. Когда эти сведения просочатся, им придется половину времени разбираться с прессой и отбиваться от нее. Конечно, это работа Торкеля, но интенсивное внимание СМИ сказывается на всех.

– Похоже, кто-то убивает звезд, – сказала она, показывая Билли телефон.

– Тогда это, по крайней мере, порадует прессу, – подавленно проговорил Билли, показывая, что сразу подумал в том же направлении, что она. – Хотя Торкелю будет не до смеха.

– Наверняка.

– Там есть что-нибудь еще? Наверное, должен присутствовать отчет о вскрытии, – продолжил Билли, нажимая на газ и обгоняя дальнобойщика. Стрелка спидометра приблизилась к 160.

– Да, должен быть, но эти недотепы его не прислали.

Ванья опять принялась просматривать скучный материал. Большая часть – с места обнаружения. Патрицию нашли в школе Тольшё – муниципальной начальной школе в пятнадцати минутах от центра Хельсингборга. Учитель, обычно работающий в этом классе, обнаружил ее в закрытой на летние каникулы школе в половине девятого утра накануне праздника Середины лета. Тело помещено на стул в одном из углов класса, перед кафедрой. Веревка вокруг живота, чтобы поддерживать тело в вертикальном положении. На голове дурацкий колпак, лицо повернуто в угол, на обнаженной спине степлером прикреплены два листа с вопросами. Сигнализации в школе не было, и полиция обнаружила взломанную дверь с задней стороны здания. Как будто еще раз читаешь о Мирре Петковиче и школе Хильдинг.

– У них, по крайней мере, есть подозреваемый, – через некоторое время сообщила Ванья.

– Кто?

– Ее бывший парень. Стефан «Стеффе» Андерссон. Отец ее сына. Он, судя по всему, ее ненавидел.

– Это все, что у них есть?

– Написано, что его вызывали на допрос... – Ванья пролистала оставшиеся немногочисленные страницы. – Но протокол допроса они тоже не прислали.

Билли покачал головой.

– Похоже, они поручили дело лучшему следователю.

– Несомненно.

– Хорошо, что с нами нет Урсулы. Она разорвала бы их на куски.

Ванья внутренним зрением увидела, как Урсула вызывает беднягу, составившего отчет, и высказывает, что она думает о нем в частности и о полиции за пределами центра Стокгольма в целом. Она не смогла сдержать улыбки.

– Здорово, что она вернулась, – честно признал Билли.

– В прошлый раз ты хорошо справился без нее, – на полном серьезе сказала Ванья. – Не помню, говорила ли я тебе.

– Спасибо, это греет душу.

Он бросил на нее благодарный взгляд, и Ванья одобрительно кивнула ему. Это правда. Билли действительно вырос за последнее время. Жаль, что они отдалились друг от друга. Одно время они были скорее братом и сестрой, нежели просто коллегами, и, хотя они почти прояснили все разногласия, к прежним отношениям они так и не вернулись.

И, наверное, уже не вернуться.

Движение на дороге немного уплотнилось, и Билли пришлось сбавить скорость.

– Я должен тебя спросить... – начал Билли, и Ванье показалось, что он собирается с силами, чтобы продолжить. – Как тебе то, что Себастиан внезапно оказался твоим отцом? Вероятно, чертовски странно.

Ванья грустно усмехнулась.

– Я не могу думать о нем как об отце. Он просто коллега.

Билли бросил на нее непонимающий взгляд.

– Ты хочешь сказать, что все осталось по-прежнему?

– Конечно, нет, но... надо этого добиться. – Она умолкла и посмотрела на мелькавший за окном все более ровный ландшафт. – Требуется время. Со всем сразу мне не справиться.

– Но ты осталась, встречаешься с ним, это круто.

– Я рассматривала вариант уйти с работы.

– Почему ты передумала?

– Это было бы слишком просто. Слишком трусливо. Я привыкла решать проблемы не так.

Они замолчали. Билли сосредоточенно смотрел на бежавшую вперед дорогу. Ванье хотелось воспользоваться случаем и продолжить разговор. Но о ее проблемах и работе они уже поговорили достаточно. У него в жизни ведь тоже произошли крупные события.

– А как дела у тебя? – спросила она, стараясь вложить в голос максимум радостной энергии. – Как тебе жизнь молодожена?

– Хорошо, все хорошо, – с улыбкой отозвался Билли. – Просто потрясающе.

– Расскажи о Турции, – попросила она, усаживаясь поудобнее, чтобы слушать.

Билли начал рассказывать, но Ванья довольно быстро отвлеклась. Стала изучать его. Теперь, когда они больше не были так близки, казалось, будто Билли кое о чем забыл.

Она хорошо умеет замечать, когда люди лгут, это одна из ее сильных сторон. А Билли лгал. Все отнюдь не хорошо. У Ваньи возникло ощущение, что все далеко не так хорошо.

12

«Поверните направо. Через триста пятьдесят метров поверните направо».

Женский голос из навигатора направлял машину по все более мелким улицам между кварталами с виллами, выглядевшими, на взгляд Себастиана, совершенно одинаково. Они приближались к цели, и он пожалел о том, что не воспользовался представившимся шансом и не оказал более жесткого сопротивления.

Он уже заканчивал завтракать, когда подошел Торкель и подсел к нему за стол. Себастиан посмотрел на него вопросительно. Урсула сидела за столиком у окна с красивым видом, чуть подальше, место напротив нее было свободно.

– В раю заморочки?

Торкель посмотрел на него, явно не понимая, и Себастиан кивнул в сторону окна. Торкель обернулся, взглянул на Урсулу и повернулся обратно к Себастиану.

– Нет, что ты имеешь в виду?

– Ты думаешь, только оттого, что вы не будете вместе завтракать, никто не узнает, что вы спите?

– Я уже позавтракал.

– Знаешь, если вы будете сидеть вместе, как коллеги, а не порознь, это будет выглядеть менее подозрительно, – продолжил рассуждать Себастиан. – В смысле, если вы не хотите, чтобы все знали.

– Мы не спим.

– Почему же?

– Ты закончил? – поинтересовался Торкель, кивая на опустошенную Себастианом тарелку и почти допитый кофе, с явным намерением прекратить разговор об Урсуле. – Мы поедем к отцу Петковича.

– Она вроде бы проявляла к тебе довольно большой интерес на свадьбе Билли, – продолжил Себастиан, не желавший оставлять эту тему, поскольку она, несомненно, смущала Торкеля. – Как же тебе удалось лишиться ее расположения?

Ему только показалось или, перед тем как Торкель отодвинул стул, в его глазах действительно мелькнуло что-то похожее скорее на грусть, чем на злость?

– Давай, поднимайся.

– Куда мы отправимся?

– Я же сказал. – В голосе Торкеля чувствовались усталость и раздражение. – К отцу Петковича. Я хочу поговорить с ним до пресс-конференции.

– А зачем мне тоже ехать?

– Я так решил.

Себастиану откровенно не понравилось то, что Торкель воспользовался своим положением в качестве единственного аргумента, чтобы настоять на своем. Он откинулся на спинку стула, показывая, что вовсе не собирается вставать. Напротив, намеревается продолжать сидеть.

– Возьми с собой Ваню или кого-нибудь, кто...

– Ваня и Билли уехали в Хельсингборг, – перебил его Торкель. – Со мной поедешь ты. Даю тебе пять минут. Жду в машине.

Себастиан увидел, как Торкель развернулся и покинул ресторан. Прикинул, не подняться ли в номер и заставить его ждать, пока ему не надоеет и он не уедет один. Но Торкель, казалось, сегодня не в настроении для такого рода упрямства. Связано ли это с тем, что он завел речь об Урсуле, Себастиан не знал, но ведь начинается только второй день расследования. Пред-

ставятся еще случаи противостоять Торкелю. В более важных вещах. Он проглотил остатки остывающего кофе и встал.

«Поверните направо. Через двести метров поверните направо».

– Значит, ты отец Ваньи, – произнес Торкель, опять направив машину в соответствии с указаниями навигатора. Себастиан мельком взглянул на него.

Вот оно. Без всякого предупреждения.

Его как раз интересовало, сколько пройдет времени прежде, чем Торкель прокомментирует это.

– Да, – коротко ответил Себастиан. Было непонятно, есть ли у Торкеля по этому поводу какие-то соображения. Констатация факта прозвучала таким же голосом, как если бы он высказался о погоде.

– Как давно ты об этом знаешь? – продолжил Торкель, снижая скорость при последнем повороте направо, на Люктертсвэген.

– Уже некоторое время, я узнал после того, как мы встретились в Вестеросе.

– Это объясняет кое-что из твоего поведения...

– Да, догадываюсь.

«Маршрут окончен. Ваше место назначения находится с правой стороны».

Торкель остановил машину и заглушил мотор. Мельком взглянув через окно на ухоженный сад и оштукатуренный, с имитацией кирпичной кладки одноэтажный дом, который им предстояло посетить, Себастиан повернулся к Торкелю.

– Что она тебе сказала?

– Только это. Что ты ее отец.

– А что сказал ты?

– Что решать ей, хочет она продолжать с тобой работать или нет.

Себастиан не сумел сдержать довольной улыбки. Ванья получила возможность дистанцироваться от него, но не стала.

Активный выбор. Она не вынужденно терпит его. Она выбрала его присутствие. Уже что-то. Собственно, больше, чем просто «что-то», это даже здорово. Открывает хорошие перспективы на будущее.

– Но только знай, если мне когда-нибудь придется выбирать... – проговорил Торкель, открыл дверцу и вышел, не закончив предложения. Себастиан прекрасно понимал, кто окажется лишним, если до этого дойдет – точно не Ванья.

Мужчина, проводивший Торкеля и Себастиана в гостиную, демонстрировал все признаки сломленного человека. Казалось, будто он несколько дней не снимал одежду. Темные круги под глазами, мощная щетина. Говорил он приглушенным голосом, и голова повисла между плечами, когда он, выставив вперед руку, указал им в перегруженной мебелью гостиной в сторону кресел. «Less is more»³ – точно не стало популярным девизом в семействе Петкович. Стены от пола до потолка были заполнены картинами, маленькими зеркалами и фотографиями, на каждой плоской поверхности лежала салфетка, стояли статуэтка, подсвечник, вазочка или цветок в горшке. Себастиан быстро насчитал одиннадцать посадочных мест, даже не учитывая пуфики для ног перед двумя кожаными креслами возле телевизора.

– Почему к делу подключилась Госкомиссия по расследованию убийств? – поинтересовался Габриэль Петкович, усевшись в одно из четырех кресел, напротив Себастиана и Торкеля, которые разместились на диване. Быстро подумав, Торкель решил сказать правду. Она все равно выйдет наружу на сегодняшней пресс-конференции.

– Мы полагаем, что ваш сын стал жертвой серийного убийцы. Что он был второй жертвой.

³ Чем меньше, тем лучше (англ.)

– Кто был первой?

– Женщина из Хельсингборга. Патриция Андрэн.

Габриэль покачал головой – ее имя ему явно ничего не говорило. Он наклонился и опустил руку на выложенные на журнальном столике три плотно заполненные папки.

– Я собрал все, что о нем писали. Подумал, что вам захочется посмотреть.

Себастиан чуть не спросил, почему им должно этого хотеться, но, встретившись с мужчиной взглядом, сдержался.

Этот взгляд ему уже доводилось видеть. В зеркале, много времени спустя после гибели Лили и Сабины. Безграничное горе. Борьба за то, чтобы вообще функционировать, находить повод для того, чтобы утром вставать с постели. Этому мужчине требуется поговорить о сыне, поэтому Себастиан лишь молча кивнул.

– Миро был хорошим мальчиком, – продолжил Габриэль, открывая первую страницу одной из папок. – Не верьте тому, что видели по телевизору.

– Я его по телевизору не видел, – сказал Себастиан.

– Я тоже, – добавил Торкель, когда Габриэль обратил на него вопросительный взгляд.

– Он там играл одну роль. Чтобы выиграть. Он всегда рвался к победам.

Что, похоже, подтверждала открытая страница папки. Слегка пожелтевшая газетная вырезка, снимок футбольной команды. Мальчишки лет девяти или десяти, положив руки друг другу на плечи, улыбаются на камеру. Заголовок сообщал о победе в кубке Бурса. Мирослав Петкович – победитель матча.

– Ему пришлось нелегко. Его мать умерла, когда ему было девять лет, – рассказывал Габриэль, продолжая перелистывать папку. Большинство вырезок о футболе, а позднее сын, похоже, начал заниматься и индивидуальными видами спорта: теннисом и лыжами. – В школе у него дела шли неважно. Но он был хорошим парнем. Держался подальше от наркотиков, разных компаний и всякой гадости. Много тренировался.

Себастиан посмотрел на Торкеля взглядом, который, как он надеялся, спрашивал, как долго они еще будут позволять отцу предаваться ностальгическим воспоминаниям, и Торкель, похоже, истолковал взгляд правильно. Он кашлянул.

– Вы не знаете, ему угрожали?

– Все время, – кивнул Габриэль. – Это были, пожалуй, не чистые угрозы, но много ненависти. Много злых людей. Примерно месяц назад он отключил у себя в блоге возможность писать комментарии.

– Случилось что-то особенное?

– Ему просто надоело, что все думают, будто он такой, каким его показали по телевизору. Это была роль.

– Да, вы говорили.

– Чтобы выиграть.

Габриэль задержал руку на открытой странице. «Талант из Ульрисехамна в финале первенства страны» – звучал заголовок, а под ним была фотография Мирослава лет в тринадцать, в белой одежде теннисиста и с ракеткой в руке.

– Он победил в региональных соревнованиях на кубке Калле Анки⁴ и дошел до финала в Бостаде.

– Журналист, с которым он собирался встретиться... – начал Торкель, чтобы вернуть разговор к настоящему времени.

– Да?

– Он рассказал о себе что-нибудь еще? Кроме имени?

Немного подумав, Габриэль отрицательно покачал головой.

⁴ Калле Анка – шведский вариант Дональда Дака.

– Нет.

– Сказал, где они будут встречаться?

– Где-то в Ульрисехамне. Он собирался угостить его ланчем, а потом им предстояло куда-то поехать, чтобы сделать фотографии.

– Но куда, вы не знаете?

– Нет.

– Мог ли он рассказать больше кому-нибудь другому? – допытывался Торкель. – Коллегам, девушке или еще кому-то?

Габриэль вновь покачал головой.

– В настоящее время он не работал. Он бросил гимназию и устроился в малярную фирму здесь, в городе, но ушел оттуда, чтобы участвовать в «Отеле Парадиз».

– Он общался с бывшими коллегами?

– Мало. Большинство было старше, и... я думаю, они ему немного завидовали. Миро прославился и стал зарабатывать больше денег.

– Каким образом? – с искренним изумлением спросил Себастиан.

– С ним только что подписала контракт газета «Экспрессен», он должен был начать вести блог на их страницах, посвященных развлечениям. И потом он получил приличные деньги за «Заполни платформу».

– Что это такое?

– Песня, которую он записал вместе с девушкой из «Отель Парадиз». Продали на платиновый диск. – В его голосе безошибочно слышалась гордость. Габриэль принялся листать страницы в другой папке и нашел то, что искал. Распечатку топ-листа Швеции за май. За несколько недель до того, как движение в большинстве городов обычно почти парализуют медленно передвигающиеся громогласные попойки, носящие название студенческих платформ. Песня «Заполни платформу» с Мирре и Чиао на той неделе занимала третье место.

– Их снова пригласили в студию, и оба должны были в июле участвовать в турне с диджеем по западному побережью.

– Девушка? Другие приятели? – снова попытался Торкель.

Габриэль опять отрицательно покачал головой.

– Никакой девушки, а большинство его друзей переехало отсюда. Или же они потеряли контакт.

Дальше они не продвинулись. Торкель вынул визитную карточку и подвинул ее через стол с привычной тирадой о том, что Габриэль может звонить ему в любое время и по любому поводу.

– Мы дадим пресс-конференцию, – сказал Торкель, вставая с дивана. – Поднимется некоторая шумиха. Пресса, скорее всего, будет с вами связываться.

– Мне надо с ними разговаривать? – спросил Габриэль, казалось, действительно стремясь получить от гостей ответ.

– Поступайте, как хотите, – ответил Торкель. – Некоторым становится легче от того, что они поделятся, другим нет. Но они узнают, где вы живете, и приедут сюда.

– Я могу уехать к брату. Он живет в Уддевалле.

– Как я сказал, поступайте, как хотите.

Они пожали руки, и Габриэль проводил их до двери.

– Он был хорошим мальчиком, – остановил их Габриэль, когда они выходили. – Он вел правильную жизнь, работал, тренировался... Вы можете сказать об этом на пресс-конференции? Что он был очень хорошим мальчиком.

– Конечно, – кивнул Торкель.

Он действительно собирался сказать, но в завтрашних газетах, наверное, все-таки напишут не это. Пресса в таких случаях следует собственной драматургии, а хорошие мальчики

не способствуют продаже такого количества номеров газет, как ведущие беспорядочную сексуальную жизнь участники реалити-шоу. Торкель закрыл дверь, и они покинули мужчину с его папками и воспоминаниями, которые никому не интересны.

13

Они прибыли, как и обещал Билли, через два часа и четырнадцать минут после того, как покинули Ульрисехамн. Отделение полиции Хелсингборга занимало двухэтажное здание, расположенное в районе, которому больше всего подходило определение «промышленный». Припарковав машину, они вошли в застекленный ресепшн. Их ждали, на входе сказали, что комиссар уголовной полиции Петер Берглунд примет их без промедления, и попросили следовать за ним.

Они быстро оказались во внутренней части здания, прошли по нескольким унылым коридорам и вверх по лестнице, после чего их ввели в тесную комнату для совещаний с голыми стенами. Комната нуждалась в незамедлительном ремонте, а ожидавшему их мужчине явно требовалось освежиться. Цвет лица Петера Берглунда соответствовал блекло-серому оттенку стен. На мятой рубашке, равно как и на узком деревянном столе, были кофейные пятна, а когда они здоровались, Ванья почувствовала кисловатый запах выпитого накануне спиртного. Выглядел Берглунд значительно старше пятидесяти пяти лет, указанных в файле с его персональными данными. Ванья предположила, что на нем, вероятно, сказался образ жизни.

– Хорошо доехали? – спросил он на ярко выраженном сконском диалекте⁵, похоже, не особенно интересуясь ответом.

– Да, спасибо, – коротко ответила Ванья и села. Билли уселся рядом с ней и достал ноутбук, чтобы делать заметки. Ванья, как обычно, взяла инициативу на себя.

– Нам нужна информация о деле Патриции Андрэн. У нас есть почти идентичное убийство в Ульрисехамне, которое...

– Да, я слышал, – перебил ее Берглунд. – Но наше дело почти раскрыто. У нас есть подозреваемый.

Ванья с изумлением уставилась на мужчину перед собой, который откинулся на спинку стула, сцепил руки на довольно объемном животе и устремил взгляд в окно на парковку, похоже, демонстрируя таким образом полное отсутствие интереса.

– Подозреваемый задержан? – поинтересовалась она.

– Да, на достаточных основаниях.

– Тогда как же он мог во вторник совершить убийство в Ульрисехамне?

– Он не мог.

– Многое указывает на то, что в обоих случаях действовал один и тот же преступник, – сказала Ванья, чувствуя, что ее начинает всерьез сердить отношение Берглунда. – Вы хотя бы разговаривали с людьми из Ульрисехамна?

– Нет, я фокусируюсь на своем деле. Это моя работа, – кратко и четко ответил Берглунд. – Мне платят за нее.

Ванья поймала себя на том, что жалеет о том, что здесь нет Урсулы.

– Вы имеете в виду ее приятеля, Стефана Андерссона? – вставил Билли, снова закрывая ноутбук. Ему подумалось, что от мужчины перед ними они едва ли получают особенно много достойных записи сведений.

– Бывшего жениха, если быть точным. – Берглунд самоуверенно кивнул Билли. – Для полицейского точность важна, не так ли?

Билли посмотрел на Ванью. Он не верил своим ушам. Неужели он использует нелепую возможность, чтобы их покритиковать?

– Вы имеете в виду Стефана Андерссона? – строго повторил Билли. Он начал сердиться так же, как Ванья.

⁵ Сконе – южная провинция Швеции, жители которой обладают характерным диалектом.

– Точно. Он и раньше избивал ее, угрожал убить. Обзывал ее по-всякому, от шлюхи до идиотки. Это подтверждает много свидетелей. Алиби нет. – Он наклонился к ним, словно желая подчеркнуть свою убежденность. – Учитывая то, как она высказывалась о нем по телевидению, его почти можно понять. Если вас интересует мое мнение, то она была настоящей сукой. – Умолкнув, Берглунд опять откинулся на спинку стула. Тот затрепал от его веса и отношения к делу. – Так что у нас все под контролем. Честно говоря, я даже не знаю, чем вы, стокгольмцы, можете в данный момент помочь.

– Может быть, немного профессиональной полицейской работы?

Ванья наклонилась вперед. Внутри у нее все кипело. Она знала, что они порой сталкиваются с некомпетентностью и сопротивлением, но никогда еще это не достигало такого уровня. Впрочем, если он хочет действовать жестко, она это тоже умеет. Научилась у самого лучшего.

– Такого плохого отчета, как мы получили от вас, я в жизни не читала. Кроме того, жених никак не мог убить человека в Ульрисехамне. – Она со злостью впила глазами в Берглунда. – Однако на это у вас, наверное, тоже найдется ответ?

Берглунд враждебно уставился на нее и пожал плечами.

– Значит, это был не он.

Билли смотрел на Ванью. Обычно он дольше раскачивался, но сейчас даже он встал на тропу войны.

– Возможно, вы не в курсе того, как работает Госкомиссия, – проговорил он, слова, как снаряды. – Когда мы подключаемся, мы становимся главными. Мы можем сотрудничать с вами или отстранить от дела. Решать вам.

Берглунд не ответил. Он скрестил руки на груди, ясно показывая, что выбрал последнее. С некоторым трудом он сосредоточил строптивый взгляд на Билли, сообразившем, что запах спиртного, который он тоже ощутил, возможно, был не со вчерашнего дня.

– Нет, не так. – С Ваньи уже хватило. – Решать не вам. Вы свободны.

– Я вас не вызывал. Пока что это мое дело. Что бы вы там ни говорили! – С этими словами Берглунд с некоторым трудом встал и в ярости покинул комнату, сильно хлопнув дверью. Ванья и Билли посмотрели друг на друга.

– Он ведь пьян, да? – вырвалось у Билли. Ванья кивнула и внезапно чуть не рассмеялась.

– Вероятно, это была рекордно плохая передача дела, – произнес он.

– Мировой рекорд, – подтвердила Ванья и улыбнулась.

Двадцатью минутами позже они оба сидели в кабинете начальника полиции и слушали испуганные оправдания.

Петер Берглунд плохо себя чувствует. От него ушла жена. Дети порвали с ним отношения. Он готов прийти и извиниться.

Начальник полиции – худощавый нервный человек – не излучал никакого авторитета. Казалось, его больше беспокоило то, что Билли и Ванья его обругают, чем то, что один из его полицейских алкоголик и полностью завалил расследование убийства.

– Но если он плохо себя чувствует, зачем вы назначаете его расследовать убийство?

Вопрос, казалось, причинил начальнику полиции физическую боль. Он начал изворачиваться и одновременно потеть.

– Возможно, это было ошибкой с моей стороны, но я понятия не имел о том, что...

– Что он пьет? – парировала Ванья. Спрятаться за это ему не удастся. Она слишком рано встала и слишком далеко ехала, чтобы слушать эту чушь собачью. – Нам потребовалось две минуты, чтобы догадаться. Если я сейчас схожу на ресепшн и к уборщицам, бьюсь об заклад, что они тоже это знают.

Начальник полиции слегка пристыженно смотрел на стол.

– Дело обстоит не так просто. Я обсуждал ситуацию с профсоюзом. Но он уполномоченный, это еще нужно доказать... – Начальник полиции сглотнул и выпрямился в кресле. – Его сместить не так-то просто.

– Бедняжка, – ледяным тоном ответила Ванья. – Мы дадим этому ход.

– Неужели это так необходимо? – спросил мужчина напротив с таким видом, будто у него случился приступ удушья. – Вы получите всю необходимую помощь. Это была ошибка, я согласен, но в этом отделении высказывается так много пожеланий.

– Поэтому и существует начальник, – коротко уточнила Ванья.

– Нам придется, по сути, начинать расследование заново, – вставил Билли. Более собранный, но столь же сердитый. – Потребуется просмотреть каждый протокол допроса. Каждый отчет. Все. Вы понимаете, сколько мы потеряли времени?

Начальник полиции бессильно кивнул.

– Понимаю. Я добуду весь материал. – Он потянулся к телефону и снял трубку. – Сейчас узнаю, сможет ли Берглунд мне помочь.

Ванья не поверила своим ушам. Она наклонилась вперед, не спуская с него глаз.

– Нет, вы устраните Берглунда и соберете нам весь материал сами. Немедленно. Этого идиота мы больше видеть не хотим. Никогда.

Начальник полиции дрожащей от нервозности рукой вернул трубку на место.

– Разумеется, разумеется. Как это я не подумал?

Едва они выпили по чашке кофе, как в блекло-серую комнату этажом выше доставили материал. Все лежало вперемешку в большой картонной коробке. С самого верха Билли обнаружил отчет о вскрытии из судебно-медицинской лаборатории Лунда, составленный их главным врачом, Фридой Ханссон, которую Билли знал как аккуратного и компетентного работника. Он начал читать Ванье вслух, сосредотачиваясь на самом существенном.

– Когда ее обнаружили утром, она, судя по всему, уже была мертва двенадцать-шестнадцать часов. Причина смерти – проникающее ранение в лоб.

– Выстрел?

Билли отрицательно покачал головой.

– Нет. Ни остатков пороха, ни выходного отверстия, ни пули в черепе. – Он оторвался от бумаги. – Она полагает, что убийца воспользовался пневматическим пистолетом. На это указывают повреждения и диаметр входного отверстия.

– Пневматический пистолет?

– Такой используют для усыпления лошадей и коров во время забоя. С помощью сжатого воздуха или пороха из него выпускается стальной стержень. – Билли издал для иллюстрации соответствующий звук. – Паф! Прямо в лобную кость!

Представив себе эту жуткую картину, Ванья слегка скривилась.

– Отчетливые следы наручников, – продолжил Билли. – Патриция, похоже, споротивлялась: вокруг запястий синяки и ссадины. А вот это интересно... – Он посмотрел на Ванью, продолжавшую рыться в коробке. – В желудке обнаружены следы бензодиазепинов.

– Накачана наркотиками.

– Я не знаю пороговых пределов, но это солидная доза. Должно было хватить, чтобы если не усыпить ее, то, во всяком случае, сделать очень податливой. Урсула наверняка в этом разбирается.

Ванья достала со дна коробки пакет с доказательствами, помеченный датой, но без регистрационного номера. Там оказался тест, прикрепленный к спине Патриции. Ванья показала его Билли.

– Здесь лежат доказательства. Какая чертова неразбериха. Какой-нибудь компетентный местный сотрудник должен помочь нам с каталогизацией, иначе мы застрянем тут на целую вечность.

Она положила окровавленный тест на стол. В самом верху первой страницы красной ручкой было написано: «13/60». Ванья наклонилась и прочитала вслух первый вопрос.

– Как расшифровывается аббревиатура НАТО?

Билли пожал плечами.

– Я не знаю, а ты?

– North Atlantic Treaty Organization.

– Зачем мне это знать? – спросил Билли, поднимая пакет с тестом. – Смотри: К какой части речи относится бла-бла-бла? Что означает «пашот»? Как назывался флагманский корабль Христофора Колумба? – Он перевернул пакет. – Кто стал королем Швеции после Оскара I?

Он положил пакет обратно на стол и повернулся к Ванье.

– Нет, серьезно, зачем мне это знать? Я могу за десять секунд найти все ответы в «Гугле».

– Это считается общим образованием.

– Я понимаю, когда за ответом приходилось бежать домой, к справочнику, но теперь? Теперь это просто ненужные знания.

– Я не уверена, что все согласятся с тобой в том, что существуют ненужные знания, – развеселившись, сказала Ванья. Билли действительно завелся. Она догадывалась, что он просто-напросто мало на что мог правильно ответить в тесте, который пробежал глазами.

– Ладно, наплевать, – ответил Билли. – По крайней мере, нам теперь не надо раздумывать над тем, тот же ли это преступник. Вопросы идентичны тем, что мы нашли на спине Петковича.

Ванья молча кивнула, ей оставалось только согласиться.

– Если ты сообщишь последние новости Торкелю, я попытаюсь навести некоторый порядок в этой куче. Перешли ему тест и отчет о вскрытии.

– Конечно. – Билли взял бумаги и быстро удалился из комнаты.

Ванья продолжила разбираться в содержимом коробки, вытащила его и начала раскладывать хоть в каком-то порядке. Там имелось довольно много интересного.

Допрос Рагнхильд Турссон из подготовительной школы, куда ходил пятилетний сын Патриции Макс. В полицию первой позвонила она. Когда Патриция не пришла за мальчиком, Рагнхильд около семи часов вечера забрала его к себе домой и позвонила в полицию. На следующее утро Патрицию объявили в розыск и направили полицейский наряд к ней в квартиру и в парикмахерский салон, где она арендовала кресло. Ни соседи, ни коллеги ее не видели.

Когда в школе Толышэ нашли труп, находку связали с исчезновением. До сих пор они работали профессионально и эффективно. Отчеты написаны относительно хорошо, информативно и дают общее представление о деле. У полиции Хельсингборга еще не все потеряно. Все пошло наперекосяк только тогда, когда расследование передали Берглунду. Отчетность стала спорадической и неполной. Отсутствовали обстоятельные протоколы допросов коллег, подготовительной школы и друзей. Все силы были брошены на то, чтобы заставить Стефана сознаться. Он последовательно отрицал свою причастность к преступлению.

Однобокий подход Берглунда заставил Ванью заподозрить, что тот, должно быть, сталкивался с Андерссоном по роду службы. Какой-то конфликт, затруднительное задержание, что-то личное. Другого объяснения слепой убежденности Берглунда не было.

И действительно, Стефан Андерссон, тридцати трех лет, строительный рабочий, был уже ранее известен полиции. Несколько судов из-за побоев и угроз. Они с Патрицией познакомились, когда ей было девятнадцать, и вступили в сложные отношения, которые закончились за год до того, как Патриция подала заявление в программу «Мать-одиночка в поиске». Попад в программу, Патриция со слезами рассказывала, как Стефан на протяжении нескольких лет

издевался над ней, и физически, и морально. Получилась хорошая и захватывающая передача, которая, отвечая всем правилам медиальной драматургии, временно привлекла внимание к насилию в близких отношениях, – прежде всего в вечерних газетах.

Передача привела также к тому, что Стефан неоднократно применял по отношению к Патриции рукоприкладство, считая, что она его оклеветала и испортила ему жизнь.

Через восемь месяцев после показа передачи последовало наконец постановление о запрете посещения.

Похоже, оно сработало, и вызовы полиции стали реже, а потом вообще прекратились. Самой Патриции удалось извлечь выгоду из обретенного статуса знаменитости, она начала вести блог и выходить в люди. Она светилась в качестве гостя в нескольких ток-шоу и телевизионных дебатах, где продолжала говорить о Стефане и борьбе за то, чтобы от него освободиться. После лета ей предстояло появиться в качестве одной из двоих ведущих серии передач о воздействии на человека близких с разного рода зависимостью и участвовать в сериале о звездах реалити-шоу.

«Победительница и проигравший в сегодняшнем обществе, одержимом СМИ», – спокойно рассудила Ванья. Она прекрасно понимала, почему Берглунд подозревает этого мужчину. Однако протоколы допросов рассказывали историю о полицейском, позволившем подозрению превратиться в убежденность без каких-либо конкретных доказательств.

Впрочем, за одно она была вынуждена Берглунда поблагодарить: ему удалось не выдать прессе имени Патриции. Это являлось частью его стратегии при допросах Стефана. «Если я сообщу, что это Патриция, твоя жизнь будет испорчена по-настоящему. Тогда тебя осудят все, вне зависимости от того, дойдет ли дело до обвинения и суда», – говорил он на нескольких допросах. «Но это единственное, за что его можно поблагодарить», – думала она, глядя на лежащую перед ней на столе беспорядочную кучу бумаг. Пока им удалось избежать атаки журналистов. Вероятно, помогло то, что ее нашли накануне праздника Середины лета, а после выходных у нее начинался отпуск. Никто ее особенно не хватился.

Кроме Макса.

Об этом Ванье не хотелось даже думать.

Вернулся Билли. Из Ульрисехамна не поступило никаких особенных новостей, но у них скоро состоится пресс-конференция, так что попадание расследования в центр внимания – лишь вопрос времени. И еще, Торкель не обрадовался привязке к знаменитостям...

Ванья и Билли сосредоточились. Им требовалось составить более серьезное представление о деле, чем позволял лежащий перед ними на столе материал, и они решили начать с учительницы подготовительной школы. Нужно было постараться успеть как можно больше до пресс-конференции. На воспоминания людей воздействует то, что они читают и слышат, поэтому им хотелось добраться до Рагнхильд раньше, чем она познакомится с теориями газет.

14

Подготовительная школа «Божья коровка» находилась в пятнадцати минутах ходьбы от отделения полиции и состояла из длинного светло-желтого одноэтажного здания с двумя флигелями и большого двора. Дети гуляли: они играли в песочнице, качались на качелях и лазали по установленному в центре двора игровому комплексу. Воздух наполняли тоненькие веселые детские голоса. Билли и Ваня представились девушке лет двадцати, за брюки которой уцепились две маленькие девочки, и изложили свое дело. Рагнхильд Турссон оказалась на совещании по планированию. Это важно? Да, важно.

Их проводили в здание и провели в маленький кабинет. Через несколько минут пришла Рагнхильд – веснушчатая женщина лет тридцати пяти с кудрявыми рыжими волосами, одетая в джинсы и голубую футболку фирмы «Адидас». Она закрыла за собой дверь и села.

– Вы узнали что-нибудь новое? – со смесью беспокойства и любопытства в голосе спросила она после того, как они вновь представились.

– Нет, но мы хотели бы задать вам еще несколько вопросов, – ответила Ваня.

– Разумеется. Все это так ужасно. – Рагнхильд понизила голос, как обычно поступают сопереживающие люди, когда им напоминают о трагедиях.

Она производила впечатление женщины основательной, собранной и почти по-матерински волнующейся. Ваня поймала себя на мысли, что благодарна за то, что Макс находился вместе с Рагнхильд, когда пришли представители социальной службы и рассказали об этом кошмаре.

– Как сейчас себя чувствует Макс? – поинтересовалась она.

Рагнхильд с некоторым отчаянием пожала плечами и вздохнула.

– Трудно сказать. Ему пять лет. Он толком не понимает, что такое смерть. Но ему, конечно, не хватает мамы.

– Естественно...

– Он временно помещен в дежурный детский дом семейного типа, но социальная служба считает, что лучше, чтобы он продолжал приходить сюда на несколько часов в день. Чтобы получалась хоть какая-то стабильность. Он скоро придет, так что вы сможете поговорить с ним, если захотите.

Ваня кивнула и посмотрела на Билли. Стоит ли им разговаривать с Максом? С пятилетним ребенком. Они ведь не учились допрашивать детей.

– Спасибо, возможно, захотим, – ответила Ваня. – Не запомнилось ли вам что-нибудь сказанное Максом, что могло бы нам помочь? Что угодно?

– Нет. Я думала об этом после... произошедшего, но... нет. Ничего.

– Не могли бы вы рассказать о дне, когда исчезла Патриция? Не приходило ли вам в голову что-нибудь особенное? – начал новую тему Билли.

– Нет, Патриция собиралась забрать сына немного позже обычного. Она всегда забирает его около четырех, а тут она предупредила, что придет около пяти. Это все.

– Она говорила, почему?

– Нет, но, оставляя ребенка утром, она больше разговаривала с Ясмин. Возможно, она что-нибудь знает.

Ваня быстро заглянула в расследование Берглунда. Насколько ей помнилось, никакую Ясмин не допрашивали.

– Как фамилия Ясмин? – спросила она, перелистывая неполноценный материал.

– Асхари. Если хотите, я могу ее привести.

– Приведите, пожалуйста.

Рагнхильд встала и ушла, из коридора послышалось, как она зовет Ясмин.

Билли откинулся на спинку стула и посмотрел на Ванью. Он думал о том же, о чем она.

– Как ты считаешь? Стоит нам разговаривать с Максом? – спросил он.

– Не знаю, разве что коротко, просто поздороваться. Установить небольшой контакт, который можно в дальнейшем развить. А ты как думаешь? – отозвалась Ванья.

– Не знаю. Наверное, лучше узнать у социальной службы, как будет лучше.

– Черт возьми, представить только, пятилетний ребенок, который внезапно попадает в такую ситуацию. Мама убита, а папа с запретом на посещение. Это немного отдаляет собственные проблемы.

Билли ответил не сразу. У него во взгляде появилось нечто такое, что ей было трудно истолковать.

– Собственные проблемы это собственные проблемы, как их ни отдаляй, – произнес он приглушенным голосом. Ванья посмотрела на него с некоторым удивлением.

– Ты только что женился, какие у тебя могут быть проблемы? Слишком много секса?

Шутка осталась без ответа. В его глазах Ванья увидела не смех, а нечто иное. Беспокойство. Он определенно что-то скрывает.

Подумать над этим больше она не успела. Дверь открылась, и Рагнхильд ввела коротко стриженную девушку лет двадцати пяти, с татуировками и в очках, одетую в клетчатую блузку поверх юбки до колен.

– Это Ясмин.

Они пожали руки, и Ясмин села.

– Для начала я хочу спросить, допрашивали ли вас раньше?

– Нет. Когда сюда приходила полиция, у меня был выходной, а потом ко мне так и не обратились. Мне это показалось немного странным.

Ванья сумела подавить вздох, но не мысль. Берглунд даже не допросил человека, который, как они знали, последним общался с Патрицией. «Немного странно» – это мало сказать. Это, черт возьми, должностное преступление.

– Тогда хорошо, что мы имеем возможность задать вам вопросы сейчас, – проговорила Ванья, стараясь не выдавать своих эмоций.

Пятнадцатью минутами позже они сидели в машине, разговаривая с Торкелем по громкой связи. Оба сосредоточенные, но возбужденные. У них произошел первый прорыв. Снова возник Свен Катон.

По словам Ясмин, Патриция договорилась о встрече именно с ним. Поэтому она и собиралась забрать Макса немного позднее. О ней предполагали написать статью в газете. В «Сюдсвенска дагбладет». Патриция с гордостью рассказала об этом Ясмин за минуту до того, как вышла из школы, чтобы больше никогда не появиться. Ясмин говорила с полной уверенностью.

– Хорошо, значит, тот же метод, что с Петковичем, – произнес серьезным голосом Торкель. – Вы знаете, где они встречались?

Ванья отрицательно покачала головой, хотя он и не мог этого видеть.

– Нет, те, кто отвечал здесь за расследование, упустили все, что могли. Нам придется начинать все с начала. К сожалению.

– Понятно, – вздохнул Торкель, но постарался мыслить конструктивно. – Я позвоню Кристианссону в Мальмё и узнаю, не сможет ли он оказать вам поддержку. Придется полностью отобрать дело у Хельсигборга.

– Как там дела с пресс-конференцией? – поинтересовался Билли.

– Она начнется через тридцать минут. – В голосе Торкеля безошибочно слышалась усталость. Они знали, насколько он не любит публичную часть работы. – Потом созвонимся.

– Удачи! – пожелала Ванья.

Выключив мобильный телефон, Билли сделал глубокий вдох.

– О'кей, давай разделим усилия, – предложил он. – Я возьму мобильные звонки, ее компьютер, почту и все такое. А ты бери ее коллег и соседей. Если успеешь, бывшего жениха.

Ванья кивнула. Она ожидала, что Билли заведет машину и они поедут, но он продолжал сидеть, откинув голову на подголовник. У нее возникло ощущение, что он хочет что-то сказать.

– Мне не хватало этого, – в конце концов произнес он. – Только ты и я. Как в старые добрые времена.

Ванья улыбнулась искренней, довольной улыбкой. Она чувствовала себя главной виновницей того, что их отношения стали такими, как стали. В минуту слабости она обидела Билли.

– Мне очень жаль, что нас разнесло, – начала она.

– В этом виновата не только ты, – перебил ее Билли.

– Все началось с меня, – возразила она, хотя была с ним согласна. С тех пор, как появилась Мю, Билли изменился. Их отношения стали другими. Они теперь почти никогда не видятся вне работы. Наверное, вполне естественно, если человек влюблен. Откуда ей знать, она всегда ставила на первое место работу и коллег.

– Опять друзья? – спросила она, протягивая ему руку.

– Мы всегда были друзьями, – ответил он, пожимая ее руку. – Я только должен лучше это показывать.

15

Торкель сидел в комнате для совещаний, где они составили столы в центре маленьким островком – как обычно, как им нравилось. Они повесили временной график последнего дня Петковича, дополненный фотографиями с места преступления. Скоро здесь появится еще один. Патриции. Торкеля беспокоило, что их станет больше. Он достаточно долго работал, чтобы понимать, что Себастиан, вероятно, прав. Преступник почти наверняка продолжит убивать.

Он продвигает какую-то идею, хочет что-то сказать.

Для любого другого объяснения метод слишком изощренный. Подобная побудительная сила не исчезает. Напротив, внимание ее обычно только подхлестывает, создает ему ощущение, что люди его слушают. Ощущение успеха.

Успех порождает успех.

Торкеля беспокоило именно это. Не сама по себе пресс-конференция, а шумиха, которую она вызовет. Подхлестнет ли она убийцу, ускорит ли решение нанести новый удар? Возможно, но он, собственно, ничего не может с этим поделать. Рано или поздно пресса выведает, что убийства связаны между собой и как именно, а в результате некоторой открытости он сможет, по крайней мере, попытаться контролировать информационный поток.

В комнату вошел Себастиан. С тем же беззаботным выражением лица, как раньше. Торкеля это вдруг рассердило. После всего случившегося, узнав, как близок он был к тому, чтобы его навсегда выставили из Госкомиссии, он все равно способен просто беззаботно разгуливать.

– Ты не видел Эву? – спросил Себастиан, усаживаясь на край ближайшего стола.

– Нет, а что?

– Я собирался спросить ее, не хочет ли она сегодня со мной поужинать.

– Она замужем.

– И значит, она не ест, или что ты хочешь этим сказать?

Торкель был не в силах отвечать. Он собрал свои заметки: обычно он записывал несколько ключевых слов, чтобы на них опираться. Какое-то время он поиграл с мыслью попытаться сохранить в тайне личности жертв, но быстро отбросил ее. Им требовалось узнать, где Андрэн и Петкович находились в свои последние часы, где они встречались со Свеном Катом. Им этого не узнать, если не выдать имен. Пресса все равно до них докопается. То, что имена еще неизвестны, просто небольшое чудо.

– Готов? – вяло спросил Себастиан. – Твой любимчик уже здесь.

– У меня есть любимчик?

– Вебер.

Аксель Вебер, криминальный репортер газеты «Экспрессен», настоящая ищейка, ему обычно удавалось докопаться до большинства того, что Торкелю хотелось бы сохранить в тайне. Он слишком часто звонил с раздобытыми сведениями, чтобы услышать от Торкеля подтверждение, и получал ответ: «Без комментариев», причем оба знали, что это равнозначно подтверждению.

Неужели газета не могла предоставить ему ранний отпуск? Послать вместо него кого-нибудь взятого на лето новичка. Кого-нибудь, кого легче обойти. Пустые мечты.

Торкель вздохнул, встал и надел пиджак. Пора собираться.

– Как, ты думаешь, они это назовут? – спокойно продолжил Себастиан.

– Кто?

– Вечерняя пресса. Они обожают хорошие заголовки. Я думаю, «Убийства в застеколье».

Торкель фыркнул.

– Честно говоря, меня это не слишком волнует.

– Знаю, но угадывать забавно. Это самое очевидное, что объединяет жертвы. Кроме того, что они не смогли ответить на шестьдесят вопросов викторины.

– Эту деталь надо не выдавать прессе как можно дольше, – ответил Торкель открыто-предостерегающим тоном. Себастиан не имел привычки сливать прессе информацию, но напомнить не повредит.

– Это все равно плохо подходит. «Общеобразовательный убийца»... Трудно, неудобно произносить, – продолжил Себастиан.

Торкеля это явно не развеселило.

– Кончай, Себастиан, это не смешно.

Торкель устало взглянул на часы. Нужно быть на месте через пять минут. Он вышел в коридор. Себастиан отправился следом. Пресс-конференцию собирали в комнате для собраний, рядом с ресепшном. Когда они проходили мимо кухни, им навстречу вышла Урсула. Торкель догадался по ее виду, что у нее есть новости.

– Я получила предварительный отчет от судмедэксперта из Гётеборга, – сказала она, показывая пачку бумаг. – Он почти идентичен отчету о Патриции. Бензодиазепины в желудке, только доза чуть больше, и та же смертельная рана в лобной кости.

К ним подошел Себастиан.

– Пневматический пистолет? – спросил он.

– Судмедэксперт из Гётеборга на эту тему не высказывается, но огнестрельное оружие он исключает, – быстро ответила Урсула, даже не заглядывая в бумаги. – Думаю, когда я сама оценю повреждения, окажется, что Ханссон из Лунда права. Скорее всего, пневматический пистолет.

Себастиан спокойно кивнул и взял у нее отчет.

– Это вписалось бы в его психологический портрет. Он считает себя выше их, – проговорил Себастиан. – Будто они животные.

– Можем ли мы как-нибудь отследить пневматический пистолет? – спросил Торкель. Урсула покачала головой.

– Никаких реестров или лицензий не существует, но мы можем проверить, нельзя ли установить, о какой модели идет речь, нам известна окружность цилиндра.

– Спасибо, проверь. – Торкель опять посмотрел на часы. – Я должен сейчас заняться прессой, поговорим позже, – сказал он и двинулся дальше. Немного быстрее, но не бегом. Ему не хотелось прийти запыхавшимся.

Нужно было создать впечатление, что у него все под контролем. Будто он всего в нескольких шагах от преступника.

Даже если это вовсе не правда.

Когда он вошел в комнату, его встретил гул заинтересованных голосов. Народу собралось не особенно много. Шесть человек, если быть точным. Торкель приветственно кивнул двоим из них – старые знакомые. Аксель Вебер, как всегда, в центре первого ряда, с диктофоном в руке, и кто-то из «Гётеборгс-Постен», чьего имени он не помнил, наискосок за Вебером. Висэн, Вилэн, Видэн... что-то в этом роде.

Остальные, вероятно, местные.

Жертвы пока по-прежнему оставались анонимными трупами. В следующий раз журналистов будет больше. Значительно больше. С годами он усвоил, что известные люди всегда привлекают много публики, все равно, живые или мертвые. К тому же эта тенденция с каждым годом становилась все отчетливее. Современный мир, казалось, кишит теми, кто посвящает жизнь публичности, строит существование и идентичность на встречах, лайках и подписчиках. Торкель этого не понимал.

Он знал, что Вильма и Элин имеют аккаунты в разных сетях, но изо всех сил воздерживался от того, чтобы критиковать или ставить под сомнение их жизнь в социальных сетях. Когда те, кому за пятьдесят, считали, что то, чем занимаются подростки, кажется разумным и имеющим смысл? Достаточно вспомнить собственные юные годы и своих родителей.

Торкель подошел к поставленному кем-то столику, выдвинул стул и сел. Стол он попросил сам. Ему казалось естественнее сидеть, чем просто стоять столбом перед собравшимися журналистами. Вроде как легче сохранять спокойствие.

Гул смолк.

Торкель, как всегда, для начала поприветствовал всех, представился как начальник Госкомиссии по расследованию убийств и приступил, стараясь говорить максимально кратко и содержательно.

– На сегодняшний день у нас есть два убийства, по нашему мнению, связанные между собой. Одно здесь, в Ульрисехамне, произошедшее во вторник, а второе – в Хельсингборге, девять дней назад. Обе жертвы были обнаружены в школьных классах, у себя в городе.

– В классах? И здесь, и в Хельсингборге? – послышалось на отчетливом вестгётском диалекте⁶ от молодой женщины в голубом платье, сидевшей с краю второго ряда. В руке она держала смартфон и, похоже, снимала представление.

Торкель повернулся к ней. Взгляд твердый и уверенный, такой всегда действует.

– Совершенно верно. Нам известно, что обоим незадолго до убийства звонил человек, назвавшийся журналистом. Они, судя по всему, договорились о встрече с этим человеком и вскоре были убиты.

– Насколько вскоре? – поинтересовался лысый мужчина, стоявший, прислонясь к стене, в конце комнаты.

– В тот же день, но обнаружили их на следующий, – уточнил Торкель.

– Что вам известно об этом журналисте? – донеслось от «Гётеборгс-Постен».

– Мы не думаем, что он журналист. – Торкель засомневался. Среди его опорных слов Свен Катон присутствовал. Но действительно ли стоит раскрывать имя? Это предупредит всех потенциальных будущих жертв, но также подскажет убийце, как много им известно. Заставит его сменить имя, возможно, метод. Стать осторожнее. Однако если погибнут новые молодые люди, обманутые Свеном Катонем, а Торкель ничего не скажет, возникнут проблемы, и жить с ними, откровенно говоря, будет трудно.

– В обоих случаях он назвался Свеном Катонем, – после маленькой искусственной паузы продолжил Торкель. Он услышал, как имя быстро записали на бумагу или занесли в компьютер или планшет. Скоро оно станет достоянием гласности. Угадывавшийся ранее в группе холодок незаинтересованности как ветром сдуло.

– А кроме имени вам что-нибудь известно? – поинтересовалась девушка в голубом платье.

– Нет, мы знаем только, что это псевдоним, но очень хотим, чтобы с нами связались те, кому звонил кто-либо под этим именем или кто слышал его в какой-либо другой связи.

Торкель почувствовал, как все более сосредотачивающееся собрание заглотнуло его последние слова. Он дал им материал для таблоида. Предупреждение большими буквами.

Вам звонил Свен Катон?

Если бы они только знали, какую он совсем скоро преподнесет им вишенку для торта.

– Вы полагаете, он нанесет новый удар? – спросила женщина позади Голубого платья. Белая блузка и юбка.

– Мы не хотели бы это обсуждать, – ответил он, осознавая, что, говоря так, именно к этому и приглашает.

⁶ Вестергётланд – провинция на юго-западе Швеции.

Только теперь послышался голос Вебера. Низкий и расслабленный. Принадлежащий человеку, который знает, что ему не требуется повышать голос, чтобы его услышали.

– Что вам известно о жертвах? Существует ли между ними какая-то связь?

Торкель повернулся к Веберу. Постарался ответить максимально в духе работников полиции.

– На сегодняшний день единственная обнаруженная нами связь это то, что оба участвовали в разных телевизионных передачах.

– В каких передачах?

– В так называемых реалити-шоу.

– Реалити-шоу? – удивленно произнес Вебер, и в помещении воцарилась полная тишина. Все сообразили, что им только что подкинул руководитель Госкомиссии.

Летний сериал. Множество статей.

Они набросились на это. Все. Голубое платье, Лысый, «Гётеборгс-Постен», Вебер, Белая блузка с юбкой и человек, пока еще ничего не сказавший.

– В каких реалити-шоу?

– Кто они?

– Вы можете назвать имена?

– Кто?

Вопросы сыпались со всех сторон. Голубое платье даже встала. Торкель попытался успокоить их, подняв обе руки. Получилось не особенно хорошо. Впрочем, на другое не приходилось и рассчитывать.

Он передал им эстафетную палочку. Теперь это их шоу.

Имена Мирослава Петковича и Патриции Андрэн в сочетании с «Отель Парадиз» и «Мать-одиночка в поиске» быстро появятся в печати. За ними фотографии, множество снимков. С не особенно большим количеством одежды. Потом догадки. Кто и почему?

Теории. Кто такой Свен Катон?

Версии и успехи полиции, ложные и реальные. Интервью. Биографии жертв. Торкель не забыл сказать, что Мирослав был хорошим парнем.

Скорбь друзей. Отчаяние родителей. Убийца по-прежнему на свободе. За все годы так много участников реалити-шоу. Страх.

Статьи из серии: «А вдруг я буду следующим». Страницы «Мы помним их такими».

Ведущие соответствующих передач никогда их не забудут. Шок. Утрата. Борьба за то, чтобы все-таки идти дальше.

«Будет настоящая эпопея», – чувствовал Торкель, привычно протискиваясь мимо желающих задать еще вопросы. Вебера среди них не было. Он стоял с прижатым к уху мобильным телефоном, жестикулируя и разговаривая, вероятно, с руководителем раздела новостей. Организовывал дополнительные ресурсы. Приезд в Ульрисехамн фотографов и коллег.

Торкелю хотелось бы, чтобы они подальше продвинулись в расследовании самостоятельно. Сейчас они обратились за подсказками и получают их. Множество. Придется подключать массу народа, а много полицейских – это не только плюс. Качество компетентности варьируется: Хельсингборг показал ужасающий пример. Кроме того, увеличивается риск утечек.

Внезапно он услышал позади себя голос.

– Торкель?

Он обернулся к произнесшей его имя женщине. Блондинка, его возраста, возможно, чуть моложе. Голубые глаза. Простое летнее платье, на ногах балетки. В руке сумочка и велосипедный шлем. Она показалась Торкелю знакомой. Но она не из числа присутствовавших на пресс-конференции журналистов.

– Торкель... это я, – проговорила она с улыбкой, теплой и искренней, не профессиональной. – Лисе-Лотте. Лисе-Лотте Патрикссон. Из школы в Эльвшё, – продолжила она объяснять, поняв, что он по-прежнему не понимает, кто она такая.

– Лисе-Лотте... – произнес он, узнал, и его лицо расплылось в улыбке. Теперь он видел, что это она. Те же светлые волосы, как тогда, даже длиннее. Голубые глаза такие же бодрые, хотя их окружает немного больше морщинок. Ее улыбка вообще не постарела.

– Что ты здесь делаешь? – продолжил Торкель, внезапно чувствуя, что мысли о расследовании на мгновение оказались вытесненными и сменились откровенной радостью. Лисе-Лотте Патрикссон. Господи, прошла целая вечность.

– Я живу здесь, в Ульрисехамне. Работаю директором школы. – Улыбка несколько спала с ее лица. – Это я обнаружила труп.

– Я читал отчет... – задумчиво наморщив лоб, сказал Торкель. – Но я не узнал имени, разве оно не было испанским?

– Гонсалес, – кивнула Лисе-Лотте. – Я вышла замуж за чилийца. – Голос почти отсутствующий, мысли по-прежнему вокруг обнаружения трупа, предположил Торкель, проклиная себя.

– Ты в порядке? – выдавил он. – Это один из твоих учеников? – Первым делом следовало, естественно, спросить, как она себя чувствует, проявить заботу. Не пытаться разобраться с разными фамилиями. Он слишком долго проработал в полиции.

– Нет, но у меня, разумеется, был шок, – осторожно ответила она. – Я собиралась просто пройти по школе и...

Она не закончила предложение, встретила с ним взглядом. Торкель огляделся в относительно заполненном посетителями ресепшне.

– Пойдем со мной. Здесь так много народу, – предложил он, указывая на дверь, отделявшую общедоступные помещения от остальной части отделения.

– Но у тебя наверняка множество дел.

– Да, но они могут немного подождать, – сказал Торкель. – Я не видел тебя... сколько же, лет тридцать?

– Вроде того. Время идет, – засмеялась Лисе-Лотте.

Торкель улыбнулся ей и провел карточкой по считывающему устройству. Дверь зажуужала.

– Но ты ничуть не изменилась, – заметил Торкель, придерживая дверь и пропуская Лисе-Лотте вперед, правда, тут же сообразил, что его откровенное признание факта может быть воспринято как комплимент ради флирта.

– Как давно ты замужем? – поспешно спросил он, чтобы свести возможность толкования его слов к минимуму.

– Мы развелись десять лет назад. А как ты?

– Тоже разведен. Даже дважды, – ответил Торкель, указывая ей в сторону помещений для персонала. – Две дочери, Вильма и Элин. Восемнадцать и четырнадцать.

– У меня одна дочь, Тереза, ей уже двадцать один.

Войдя в столовую для персонала, они умолкли. Быстрый обмен новостями закончен. Дальше сложнее. С чего начать? С общих воспоминаний? Или попытаться лучше узнать друг друга? Все-таки прошло тридцать лет. Чего она хочет? Зачем она его разыскала?

– Я услышала, что ты отвечаешь за расследование, поэтому и решила просто заглянуть и поздороваться, – словно прочтя его мысли, сказала она.

– Отличная идея. Мы, наверное, все равно бы увиделись, мы обычно встречаемся со всеми свидетелями, – отозвался он, но сообразил, что этим чаще всего занимаются другие члены команды. Он, скорее всего, пропустил бы ее. – Но я ужасно рад тому, что ты заглянула, – на полном серьезе сказал он.

Она кивнула и улыбнулась ему. Они опять замолчали.

– Хочешь кофе?

– Да, спасибо.

Быстро указав ей в сторону столов, он пошел за изогнутый кухонный островок, к кофейному автомату. Какой она хочет кофе, Торкель не спросил, а просто взял чашку, поставил ее на место и нажал на обычный кофе.

Пока напиток готовился, он взглянул в сторону Лисе-Лотте, которая как раз усаживалась на один из розовых стульев за ближайшим столом. Воспоминаний много, но он мог честно признаться, что не думал о ней... целую вечность.

Они были парой в последние два года гимназии. Молодые и влюбленные, потом они отдалились друг от друга, когда Торкель пошел в армию, а она начала учиться в Линчёпинге. Расстояние или амбиции. Он так и не понял, что стало причиной. Но отношения, в любом случае, закончились. Конец им положила она. На странной студенческой вечеринке в университете Линчёпинга.

Он ушел оттуда под дождем, один. Злой и разочарованный.

Торкель забрал чашку с кофе и поставил на ее место другую, пустую. Опять нажал на обычный кофе. Автомат зажужжал, и в ту же минуту к Торкелю подошла Эва Флурэн.

– У вас есть время?

– Да.

– Приехали люди из Буроса и Йончёпинга. Я подумала, что вы захотите с ними поговорить.

Торкель кивнул. Они вызвали дополнительный персонал, чтобы посадить за указанные для обращения телефоны, которые, видимо, довольно скоро начнут звонить. Можно надеяться, что все в курсе того, что им следует выслушивать и о чем спрашивать, но лучше их все-таки проинформировать. Он быстро посмотрел на Лисе-Лотте и вновь перевел взгляд на Эву.

– Одну минуточку.

– Мы наверху, – сказала она, кивнув на второй этаж, и удалилась.

Торкель взял обе чашки и пошел к Лисе-Лотте.

– Сожалею, но мне надо работать, – поставив перед ней одну чашку, произнес он.

– Ничего страшного, я понимаю.

– Но ты можешь, если хочешь, посидеть здесь и выпить кофе.

– Меня больше привлекала компания, чем кофе, – ответила она с улыбкой, вставая и машинально одергивая на бедрах платье. – Но если у тебя найдется время, мы, возможно, могли бы как-нибудь вечером вместе поужинать, пока ты здесь?

– Это было бы замечательно, – сказал он, пожалев, что сам не задал этого вопроса. – Я постараюсь найти время.

– Отлично. Позвони мне.

– Обязательно.

Он протянул руку для сердечного рукопожатия, но Лисе-Лотте, проигнорировав ее, обняла его. От нее пахло ландышами.

– Приятно было снова увидеться, – разжав руки и забирая с соседнего стула сумочку и велосипедный шлем, проговорила она.

– Действительно приятно, – согласился Торкель. – Так я позвоню.

Улыбка, легкий взмах руки, и она исчезла.

Торкель взял свою чашку и пошел вверх по лестнице к ожидавшим его полицейским. Он сам того не знал, и никто ничего не сказал, но все отметили, что руководитель Госкомиссии по расследованию убийств выглядит невероятно радостным.

16

У Эббы целый день в голове звучала песня.

«Can't Hold Us» Маклемора и Райана Льюиса⁷. При пробуждении у нее почти всегда в голове звучала какая-нибудь песня. Иногда новая, иногда старая. Эббе было даже не обязательно ее предварительно долго слушать, она просто возникала. Почти каждое утро.

Эбба подумывала создать в блоге раздел «Песня дня» и выкладывать звуковой файл или давать отсылку на «Спотифай»⁸. Она считала, что это может понравиться их читателям. Останавливало ее только то, что тогда Сара, наверное, тоже захочет выкладывать по песне в день или, по крайней мере, иногда, а у нее такой до обидного плохой музыкальный вкус.

В прошлую субботу это подтвердилось. На присуждении премий за лучший летний блог. Прямо после красной ковровой дорожки их поймала какая-то радиостанция и спросила, что они сейчас слушают. Эбба не могла даже думать об этом, не краснея...

Обычно она за сестру никогда не стыдилась. Это немыслимо. Все равно что стыдиться за саму себя, так тесно они связаны. Сара старше, но с того момента, как одиннадцатью минутами позже родилась Эбба, они держались вместе. Были не разлей вода. Эбба знала, что родители временами волновались из-за того, что они не заводят себе никаких других близких друзей, но им никогда не требовался никто, кроме друг друга.

Они по-прежнему жили в одной комнате, хотя имели возможность получить каждая свою. Учились в одном классе гимназии. Ходили в одну и ту же танцевальную группу, на один и тот же фитнес. И еще у них был блог.

Когда они в 2011 году начали его вести, он назывался «Орел или Решка», и идея заключалась в том, чтобы описывать одни и те же события как бы с двух разных точек зрения.

Сара считает, Эбба считает.

Потом им надоело: приходилось слишком сильно и слишком часто напрягаться, чтобы их впечатления казались разными. Различия, конечно, существовали, но чаще всего они думали одно и то же обо всем, что делали и что с ними происходило. Тогда они закрыли старый блог и начали вести новый.

«Родственные души».

Если вдуматься, совершенно естественно.

Вместо того чтобы привлекать внимание тем, какие они разные, они решили строить блог на том, как они похожи.

Как они близки.

Как уникальна их связь.

Написать о своем дне может кто угодно, но немногие могут показать жизнь с точки зрения близнецов. Это была их изюминка, и она сработала очень, очень хорошо.

Их заметили, они стали частью блогосферы, на их страницу заходило все больше народу, у них непрерывно увеличивалось количество подписчиков, и в прошлую субботу на вручении премий они победили в категории «Главный блог лета».

В понедельник позвонили из фирмы «Нивея», поинтересовались, не хотят ли они с Сарой написать о том, что пользуются их продукцией для ухода за кожей, и стать одним, или вернее двумя, из их лиц. Им собирались за это платить. Если еще какие-нибудь фирмы надумают к ним обратиться, то вскоре они смогут жить за счет блога. Мелинда, одна из подруг, прикрепила ссылку «связывайтесь со мной для сотрудничества» к электронному адресу на странице, где она предлагает, за плату, выставлять торговые марки у себя в блоге или в Инстаграме. Она

⁷ Песня «Не может помешать нам», записанная дуэтом американских рэперов (англ.).

⁸ «Спотифай» (Spotify) – первый стриминговый сервис, позволяющий слушать музыку онлайн.

начала вести блог в прошлом году и уже выписывает счета с налоговым уведомлением предприятия.

Им с Сарой тоже бы следовало так действовать, подумала Эбба.

Она разок стукнула по закрытой двери, прежде чем открыть ее. В сущности без всякой необходимости – они знали друг о друге абсолютно все, но если дверь в их комнату была закрыта, они стучались. Так уж повелось.

Сара сидела за письменным столом перед открытым ноутбуком.

– Я только что обновила пост.

– О чем?

– О том, насколько мы ненавидим «Арриву».

Компания «Аррива» занималась у них в городе автобусными перевозками. Сара уже не впервые писала об их ужасном сервисе: неприятные шоферы, опаздывающие автобусы и отмены рейсов. Эбба предположила, что «Аррива» не станет одной из компаний, которые появятся на пороге, когда они начнут поиски рекламодателей.

– Что ты наденешь сегодня вечером? – поинтересовалась она, открывая их общий шкаф.

– А что мы сегодня вечером делаем?

Эбба мысленно вздохнула. Есть все-таки одна область, в которой они отличаются друг от друга. Сильно. Для Сары тот факт, что ей утром предстоит позавтракать, мог оказаться сюрпризом. Планировать, соблюдать порядок и быть в курсе событий – это не ее. Эбба считала виноватой себя. Она рано взяла на себя ответственность за то, чтобы школьные работы сдавались, назначенное время соблюдалось, жизнь планировалась.

Она была аккуратной. Сара – небрежной.

– У нас будут брать интервью.

– Кто?

– Тот, что звонил после вручения премий.

Сара обернулась с таким выражением лица, будто она совершенно точно впервые слышит о том, что после вручения премий кто-то звонил. Эбба никогда не сердилась на сестру, а если бы сердилась, то это был бы подходящий случай.

– Я же говорила, – терпеливо принялась объяснять она. – Фрилансер. Свен какой-то там...

Королевский технологический институт

Секретарю

Швеция-100 44 Стокгольм

Обжалование решения о назначении на должность профессора
(VL-2914-00071)

Настоящим я обжалую решение о назначении другого соискателя на анонсированную профессорскую должность VL-2914-00071.

Комиссия по трудоустройству служащих в своем заключении нашла, что я отвечаю всем требованиям данной должности как в плане педагогической, так и научной компетентности.

Кроме того, в § 8 протокола номер 4/2013 комиссия по трудоустройству служащих пишет, что отдел «ищет человека, который может не только создать исследовательскую группу, но и способен объединить всю деятельность отдела, вести преподавание и привлечь внешнее финансирование».

Исходя из этих критериев, я, несомненно, прекрасно подхожу (см. прилагаемое резюме) и помимо этого, являюсь популярным и ценным

сотрудником и педагогом с наработанными контактами как в Королевском технологическом институте, так и за его пределами.

В отличие от человека, принятого на должность, я, кроме того, обладаю широким общим образованием, горячим интересом к передаче знаний и пониманием важности обучения и знаний для нашего будущего. Я смог бы не только образцовым образом возглавить школу, я стал бы отличным посланцем для всего Королевского технологического института и был бы важным противовесом распространяющимся в обществе поверхностной культуре и презрению к знаниям.

Поэтому я являюсь наиболее подходящим для должности кандидатом и требую изменения решения, касающегося должности VL-2914-00071, в мою пользу.

17

– Торкель!

Он поднял взгляд от наполовину съеденного, наполовину разогревшегося обеда, который он оказался даже не в силах выложить на тарелку, а ел прямо из фольги. Котлеты и вареная картошка с коричневым соусом. Правда, каким-то вкусом обладала только брусника, баночку которой он нашел в холодильнике. К нему направлялась Эва Флурэн.

– У нас был один звонок...

Торкель понял, что она имеет в виду какой-то особенный звонок. Поскольку у них был не *один* звонок. В последний час им звонили каждые пятнадцать секунд. Звонки начались практически сразу после пресс-конференции и так и не прекращались.

Люди видели на улицах таинственных мужчин, «похожих на журналистов». Наблюдали машины перед школами, перед всеми, не только перед школой Хильдинг. Кому-то казалось, что они слышали крики в заброшенных зданиях, а кому-то, что соседи в последнее время вели себя странно. Многие были уверены в том, что видели во вторник Мирослава Петковича. В нескольких разных местах, с несколькими разными мужчинами. (На удивление многие видели его и в среду тоже, хотя он был уже мертв.)

То же самое с Патрицией Андрэн. Хотя в отношении нее сведения расходились еще больше. Со времени ее убийства прошло больше времени, и память во многих случаях оказывалась продуктом скоропортящимся.

Вызванный дополнительный персонал, состоявший в основном из сержантов полиции и отдельных стажеров, выслушивал всех, записывал и передавал сведения командной группе, которая, в свою очередь, их анализировала и распределяла по степени важности. Руководила командной группой Эва Флурэн.

Сейчас она выдвинула стул и села напротив Торкеля.

– Мы получили сведения о том, где обедали Петкович и Катон.

Торкель проглотил остатки несомненно сухой котлеты и с интересом посмотрел на Эву.

– Достоверные?

– Две официантки и один из посетителей, – кивнула она. – Независимо друг от друга указывают то же место. Петкович со спутником.

Она передала Торкелю листок бумаги, который тот сразу начал просматривать.

– У вас там немного соуса, – сказала Эва, и Торкель поднял взгляд. Эва показала на собственный уголок рта. Торкель легонько провел рукой по своему.

– С другой стороны, – уточнила Эва, и Торкель, предпочтя не рисковать, вытер оба уголка большим и указательным пальцами.

– Хотите, чтобы я отправила туда кого-нибудь, или вы возьмете это на себя?

Положив листок, Торкель стал быстро обдумывать. Он пожалел, что отпустил сразу и Билли, и Ванью. Один из них сейчас очень бы пригодился здесь. Себастиана с Урсулой «командой мечты» не назовешь, а посылать кого-то из них в одиночку – тоже далеко не оптимальное решение. В случае Себастиана это немыслимо. Урсула, безусловно, справилась бы, но допросы свидетелей не являются самой сильной ее стороной. Он немного поиграл с мыслью поехать вместе с Урсулой самому, но быстро отбросил ее. Он не может покинуть здание полиции сейчас, всего через несколько часов после того, как они дали расследованию новый толчок. Однако посылать местные силы, о которых он ничего не знал, тоже не хотелось.

– Мы возьмем это на себя, – ответил он, отодвигая форму из фольги. – Спасибо.

Они оба встали. Эва, покинув кухню, пошла вверх по лестнице, к звонящим телефонам. Торкель, допив оставшуюся в стакане воду, пошел и выбросил форму из фольги, поставил остальное в посудомоечную машину и направился в их комнату.

Когда он вошел, Себастиан оторвал взгляд от материалов расследования и других разложенных перед ним бумаг.

– У меня есть нечто, похожее на психологический портрет преступника, – сообщил он, откидываясь на спинку стула. – В общих чертах, но все-таки.

– Портрет может подождать. У меня есть для тебя работа.

18

Урсула вышла из машины и посмотрела на «Курортный отель». Или на «Новый курортный отель», как он явно назывался. Что произошло со старым, она не имела понятия. Сейчас это, во всяком случае, было желтое одноэтажное деревянное здание в форме буквы «Т» с темно-красными деталями вокруг окон и над дверью. Чувство цвета у Урсулы было развито не особенно хорошо, но ей показалось, что здание выглядит омерзительно.

Она услышала, как Себастиан захлопнул дверцу с пассажирской стороны, и заперла машину. Они вместе двинулись к гостинице по гравиевой дорожке между ухоженными газонами.

– Как обстоят дела с Торкелем? – поинтересовался Себастиан, когда они прошли примерно половину пути.

– Что значит, как обстоят дела с Торкелем?

– Вы, вроде бы, тесно общались на свадьбе Билли. Я ночью слышал его голос у тебя в номере...

– Ревнуешь?

Не определить, шутит она или нет.

– Проявляю любопытство. Не надо быть психологом, чтобы заметить, что как бы там у вас ни было, Торкелю хочется большего.

– Тебя это не касается, – отрезала Урсула. Она не собиралась рассказывать Себастиану, что ее план состоял в том, чтобы дать Торкелю немного больше уже этим вечером.

– Я волнуюсь за вас, хочу, чтобы вы были счастливы.

– Чушь, – фыркнула Урсула.

– Нет, ладно, я хочу, чтобы ты была счастлива, на Торкеля мне действительно наплевать.

Урсула остановилась и повернулась к нему. Ее глаза внезапно потемнели от сдерживаемой ярости.

– Ничто из того, что ты делаешь или когда-либо делал, не свидетельствует о том, что ты хочешь, чтобы я была счастлива.

– Это, пожалуй, не совсем справедливо... – попытался возразить Себастиан, совершенно не готовый к обороту, который принял легкий, на его взгляд, тон беседы.

– Разве? Когда ты хотел, чтобы я была счастлива? – продолжила Урсула. – Когда изменял мне с моей сестрой? Или когда твоя бывшая сожительница выстрелила в меня у тебя дома, а ты даже потрудились прийти в больницу, чтобы узнать, как я себя чувствую?

– Мне жаль, что так вышло. Я просто не мог... Я ведь говорил тебе на свадьбе.

– Слишком поздно, Себастиан.

Урсула резко развернулась и двинулась к гостинице. Через несколько шагов она остановилась и вновь повернулась к нему.

– Вместо того чтобы поступать, как говнюк, а потом просить за это прощения, тебе никогда не приходило в голову просто перестать быть говнюком?

Она быстрым шагом пошла дальше, к входу.

Себастиан остался стоять, по-прежнему удивляясь тому, как его невинная, поддразнивающая болтовня могла привести к такому. Конечно, на долю Урсулы выпало несколько очень тяжелых месяцев. Ее бросил Микке, тяготили плохие отношения с дочерью, да еще потеря глаза. Наверное, просто чаша переполнилась, и теперь все это выплеснулось на него. Он действительно не считал, что так уж часто обижал или предавал ее, однако, вновь двинувшись вперед по дорожке, он предположил, что если предательства серьезные, то их не обязательно должно быть много.

Хостес проводил Себастиана и Урсулу в комнату рядом с рестораном и попросил посидеть на одном из черных кожаных диванов, пока он приведет девушек. За время ожидания они не сказали друг другу ни слова. Себастиан не имел желания возобновлять беседу, а Урсула явно не намеревалась ее продолжать. Когда хостес вернулся в компании двух женщин – одной около двадцати, второй немного за тридцать, обе в черных юбках и белых блузках с логотипом гостиницы на груди – они встали, представились и изложили свое дело.

Женщины уселись в кресла напротив них. Урсула щелкнула шариковой ручкой и поставила ее к лежавшему у нее на коленях маленькому блокноту.

– Вы обе работали здесь в прошлый вторник? – начала она.

– Да, – кивнув, подтвердили обе женщины.

– Рассказывайте.

– Что рассказывать? – спросила Сисси, младшая из них.

– Вы сказали, что Мирослав Петкович здесь обедал. Вместе с каким-то человеком.

– Да.

– Где они сидели? – вставил Себастиан.

– Там, в зале, – ответила Эмма. Она обернулась и показала через стеклянные двери на ресторан, который ровными рядами столов, простыми деревянными стульями и маленькими белыми скатертями больше напоминал школьную столовую, чем гостиничный ресторан.

– Самый дальний столик у окна. Мирре сидел у стены, а второй человек напротив.

– Как он выглядел?

– Он подстригся, – сразу выпалила Сисси, не сумев сдержать почти влюбленной улыбки. – Классно, и еще на нем была голубая футболка и светлые...

– Черт возьми, – с глубоким вздохом прервал ее Себастиан. – Нам наплевать, как выглядел Петкович. Второй. Тот, с кем он обедал. Как он выглядел?

– Это был убийца? – с любопытством во взгляде спросила Эмма, а Сисси откинулась в кресле, слегка обескураженная выговором.

– Как он выглядел? – повторил Себастиан.

Никто из них сразу не ответил, они переглянулись, Сисси пожала плечами, а Эмма вновь повернулась к Урсуле и Себастиану.

– Он был... старый.

– Насколько?

– Не знаю, возможно, лет пятьдесят пять.

– Старше, – вставила Сисси. – Моему дедушке семьдесят, он выглядел так же.

Урсула посмотрела на цифры у себя в блокноте и мысленно вздохнула. Между пятьюдесятью пятью и семьюдесятью огромная разница. Пару лет туда-сюда, и получается возрастной зазор в двадцать лет. Безнадежно для составления фоторобота.

– Как вы думаете, сколько лет мне? – спросил Себастиан, явно думавший в том же направлении.

Женщины по другую сторону низкого столика посмотрели на Себастиана.

– Шестьдесят, шестьдесят пять? – с некоторым сомнением произнесла Сисси и взглянула на Эмму в поисках поддержки, и та согласно кивнула.

Себастиан ничего не сказал. Возможно, пора все-таки слегка заняться собой. Он бросил беглый взгляд на Урсулу и мог поклясться, что она развеселилась.

– Борода, – вдруг сказала Эмма. – У него была борода. Седая борода.

«Может, поэтому им показалось, что он выглядит старше, – подумала Урсула, записывая в блокноте под цифрами: «седая борода». – Впрочем, у Себастиана бороды нет, а они все равно дали ему почти на десять лет больше фактического возраста».

– Он все время сидел в кепке. В такой стариковской кепке.

Урсула кивнула и записала. Хорошо, уже становится на что-то похоже. При большом количестве деталей неопределенный возраст, возможно, особой роли не играет.

– И в очках, – сказала Сисси.

– Точно, в таких, с тонкой оправой, – добавила Эмма. – Как продаются на бензоколонке.

– Что-нибудь еще? – призывно спросила Урсула.

– Нет.

– Диалект? – поинтересовался Себастиан. – Вы слышали, как он разговаривает? Помните что-нибудь про голос?

Женщины переглянулись, отрицательно покачали головами.

– Разве заказывал не он? – настаивал Себастиан.

– Да, но я ничего особенного не запомнила. Просто голос.

– Вы помните, как он расплачивался? – спросила Урсула. Она не смела надеяться на кредитную карточку, но иногда самые ловкие преступники совершают глупейшие ошибки.

– Наличными, – ответила Эмма, быстро похоронив маленькую надежду.

– Ничего другого вы не запомнили?

Опять переглядывание, покачивание головами.

– Значит, бородатый мужчина в кепке и очках, который выглядит и звучит, как все другие старики в возрасте от пятидесяти пяти до семидесяти лет? – подвел итог Себастиан с видимым разочарованием.

Сисси и Эмма снова переглянулись и на этот раз кивнули.

– Да...

– Тогда спасибо.

Сисси и Эмма встали и ушли. Урсула закрыла блокнот и откинулась на спинку дивана. Задумалась, стоит ли привозить сюда полицейского художника, но пришла к выводу, что решать Торкелю.

Себастиан встал и подошел к стеклянным дверям, отделявшим комнату, где они сидели, от ресторана.

Они могли бы выступить с призывом связаться с полицией всем, кто обедал здесь в прошлый вторник. Кто-нибудь из других посетителей, возможно, сумел бы дать лучшее описание. Если повезет, окажется, что кто-нибудь сфотографировал Петковича вместе со Свеном Катонном.

Хотя Катон умен. Наверняка он предусмотрел такую возможность.

Сидели в углу, спиной к остальному залу... В лучшем случае они получают фотографию шеи и спины. Значит, у них по-прежнему ничего нет.

19

Билли проник в ноутбук Патриции Андрэн.

Без особых трудностей. Пароля для авторизации у нее не было, и, войдя в оперативную систему, Билли смог через буферную память установить, какие страницы Патриция обычно посещала. Он начал с Фейсбука, куда она заходила чаще всего, и ему сразу повезло.

Здорово повезло.

Патриция не вышла из аккаунта. Билли с энтузиазмом принялся прокручивать ее ленту сообщений. Эффект от пресс-конференции оказался потрясающим. В течение дня комментарии буквально хлынули потоком.

Множество.

До абсурдного много.

Похоже, все почувствовали необходимость сказать что-нибудь личное, выразить страдание. Рассказать, как они оплакивают человека, с которым встречались только через экран телевизора. Это казалось странным и в то же время слегка банальным. Все 7187 подписчиков Патриции скорбели, независимо от того, насколько хорошо они ее знали. Судя по откликам и комментариям, ей после смерти предстояло стать более популярной и любимой, чем она когда-либо была при жизни.

Билли начал крутить назад, мимо последних постов, и вскоре добрался до последней записи, сделанной самой Патрицией. С ее мобильного телефона, в 14:46, в день, когда ее убили. Селфи, снятое в парикмахерском салоне, а под ним текст: «Скоро иду на интервью, пожелайте мне удачи».

Он продолжил искать дальше – среди множества будничных, повторяющихся записей, которые тем или иным образом сообщали, как все хорошо, как все вкусно и как классно можно жить – пока не нашел нечто интересное. 8-го июня, в 13:24, под другим селфи, снятым на работе, она написала: «Только что звонили из “Сюдсвенска дагбладет”. Намечается огро-о-о-мное интервью! Буду держать вас в курсе».

Билли записал себе в ноутбук: 8/6 13:24.

Следующий шаг – заказать в телефонной компании распечатки разговоров с мобильного телефона Патриции. Посмотреть, с каких номеров ей звонили в этот день до 13:24. Среди них должен быть убийца. Правда, если он проявил такую же ловкость и осторожность, как демонстрировал до сих пор, он, вероятно, звонил с телефона с анонимной сим-картой, но проверить определенно стоило.

Билли вернулся к последней записи, сделанной Патрицией, и начал просматривать комментарии под ней. Возможно, она ответила на какой-нибудь комментарий и рассказала больше о предстоящей встрече. Ряд пожеланий удачи и поднятых вверх больших пальцев. Нигде никакого ответа или комментария от Патриции. Только в самом конце.

Отправлено в 03:16. С ее телефона.

Очень коротко.

Тринадцать из шестидесяти. Незачет.

Билли содрогнулся. 03:16. Примерно за пять часов до того, как обнаружили ее труп. Он быстро пролистал отчет о вскрытии. Ему вроде помнилось, что в Лунде определили время наступления смерти между 21:00 и 01:00. Найдя нужную страницу, он убедился, что не ошибся.

Запись определенно выложили после ее смерти.

Тринадцать из шестидесяти.

В тесте, который они нашли на спинах жертв, шестьдесят вопросов.

Билли глубоко вздохнул и отложил бумаги. Мысли понеслись. Выложил ли преступник в социальные сети результаты Мирре после его смерти? Насколько им известно, нет. Впрочем, местная полиция не всегда первым делом проверяет социальные сети. Билли знал, что компьютерная сторона расследования делит коллег на две группы. На тех, кто рассматривает новую технику как преимущество, и тех, кто почти не обращает на нее внимания.

Он взял свой мобильный телефон и включил Твиттер. Поискал страницу Мирре Петковича, нашел его и выбрал просмотр. Появились записи Мирре. Ничего. Он не проявлял особой активности. Один твит в два-три дня. После его смерти ничего.

Билли открыл свой Инстаграм и поискал там, нашел нужное имя, и, как он и думал, аккаунт Мирре оказался публичной страницей. Билли сразу решил, что просматривать его не имеет смысла.

Но вдруг он содрогнулся.

Первая появившаяся фотография – это тест Мирре, лежащий на чем-то, похожем на школьную парту, он заполнял почти весь снимок, но в одном углу виднелся кусок пола. На нем ботинок с ногой под углом, говорившим, что обладатель ноги не стоит. Ботинки Билли узнал. Они принадлежали Мирре. Очень многое указывало на то, что когда делали фотографию, он уже был мертв. Под снимком имелась подпись:

Незачет. 3/60.

1884 лайка.

366 комментариев – большинство спрашивало, что он, черт возьми, выложил. Похоже на экзамен. Он что, не знает, что сейчас каникулы?

Три правильных ответа. Три из шестидесяти. Незачет.

Билли взял мобильный телефон, чтобы позвонить Торкелю и рассказать, что он нашел.

20

Торкель потер глаза и посмотрел на часы. Только самое начало седьмого, но день получился интенсивным. Пора делать выводы.

Что им известно?

Что нужно делать дальше?

Ответ на первый вопрос:стораживающе мало. Следовательно, ответ на второй: почти все.

На их телефон для связи по-прежнему периодически звонили – народ пришел домой после работы и увидел новости – но поток существенно уменьшился.

Поступившие за день звонки мало что дали, кроме обеда в «Курортном отеле» и двух автомобилей, которые могли оказаться интересными. Оба были замечены неподалеку от школы Хильдинг вечером во вторник и в ночь на среду. Владельца одной машины уже нашли, и он дал исчерпывающее объяснение того, что делал в этом районе в то время. Кроме того, он находился в машине не один, и пассажир подтвердил его сведения. Второй машиной было красное «Вольво V70», но свидетель, очевидно, перепутал какие-то буквы или цифры на номерном знаке, поскольку номер AYR393 принадлежал белой «Шкоде» в городе Сундсвалле и оба номерных знака на этой машине присутствовали. Особых надежд на камеры видеонаблюдения в городе Торкель тоже не возлагал. За кварталами вокруг школы наблюдение не велось, ближайшие камеры находились на расстоянии более 600 метров, на очень загруженной транспортном дороге, по которой даже не требовалось ехать, чтобы попасть к школе. Существовало минимум три других способа, чтобы туда добраться.

Какое-то время Торкель надеялся, что камеры окажутся вдоль дороги, ведущей в «Курортный отель». Гостиница находилась в конце тупика, за ней шел только лес. Записи со вторника, около четырнадцати часов, могли бы им очень помочь. Но там та же история – никакого наблюдения за дорогой не велось.

Они опросили третьего человека, сообщившего об обеде Петковича, но сколько-нибудь отчетливого описания компаньона не получили. Данный человек встретил Мирре, выходя, когда тот возвращался в ресторан после посещения туалета. С кем Мирре вместе сидел или где, он не видел. Они выступили с просьбой прислать им фотографии Петковича во время обеда, сделанные втихаря или открыто, но пока безрезультатно.

В Хельсингборге прорыва тоже не наблюдалось. Коллеги Патриции Андрэн из парикмахерского салона знали только, что она во второй половине дня собиралась на интервью, но сказать, куда или в котором точно часу, не могли.

Им дали наводку на ресторан, где звонившей помнилось, что она видела Патрицию в день ее исчезновения, но когда Ванья туда поехала, оказалось, что никто из персонала не смог припомнить, чтобы Патриция Андрэн там была, хотя большинство узнавало ее по фотографии, которую показывала Ванья.

Стефан Андерссон по-прежнему не имел алиби на день исчезновения Патриции, зато у него было прекрасное алиби на время убийства Петковича – он сидел в следственном изоляторе.

Они немного пообсуждали, не может ли речь идти о больше чем одном преступнике, но ничто в методе на это не указывало. Напротив.

– Нам известно, что он после убийств отчитался о результатах экзаменов с их собственных телефонов, в их собственных аккаунтах, – завершил довольно удручающий обзор Торкель и снова потер глаза. Может, в комнате плохая вентиляция? Или слишком хорошая? В глазах чувствовалась сухость.

– Можно ли отследить телефоны? – поинтересовался Себастиан.

– По словам Билли, они отключены, но если он снова воспользуется ими...

– Не воспользуется, – твердо заявил Себастиан. – Это было бы глупо, а уж кем наш преступник точно не является, так это дураком.

– Ладно, тогда кем же он является? – спросил Торкель, выдвинул стул и перед тем, как сесть, потянулся за одной из стоявших на столе бутылок минеральной воды. – Ты говорил, что составил психологический портрет.

– Эскиз, он еще далеко не полный.

Торкель сказал, что это не играет роли, и чтобы он все равно рассказывал.

– Как я уже говорил, это мужчина, за сорок, который давно не одобрял или не понимал происходящего в мире, но действовать начал только сейчас.

– Почему сейчас? – поинтересовалась Урсула.

Себастиан развел руками, показывая, что ее догадка будет ничуть не хуже его.

– Развод, лишился работы, упустил повышение по службе, могло произойти что-то, из-за чего у него поехала крыша. Или у него просто переполнилась чаша терпения. Ему надоело внимание к Петковичу и Андрэн, которого они, по его мнению, вовсе не заслуживали.

– Дела у них в последнее время шли хорошо, – вставила Урсула. – Работа блогерами, турне, ведение программ, новые предложения с телевидения, внимание прессы...

– Наш преступник почти наверняка имеет какое-то отношение к высшему образованию, – продолжил Себастиан. – Отстаивает старое представление о знаниях. На вид спокойный, всеми ценимый, знающий коллега. Скорее всего, не так уж много раз менял работу, и его считают отрицательно настроенным к переменам.

В дверь постучали. Себастиан умолк, и в комнату заглянула Эва Флурэн.

– Извините, что помешала, но к вам посетитель, – обращаясь к Торкелю, сказала она.

– Это может подождать.

– Это важно, иначе я не стала бы вам мешать, – уверенно заявила Эва. – Он говорит, что объявился убийца.

– Кто говорит?

– Некий Аксель Вебер.

Торкель вышел на ресепшн и огляделся. Кое-какой народ, но никого знакомого по пресс-конференции, кроме Вебера, который сунул мобильный телефон в карман, встал с одного из стульев перед окошком для выдачи паспортов перед тем, как увидел махавшего ему рукой Торкеля.

– Заходи, – позвал Торкель, придерживая отделявшую ресепшн от остальной части здания дверь. – С тобой связывался Катон? – спросил он, как только она закрылась за ними.

– Не со мной.

Вебер сунул руку под пиджак и вытащил из внутреннего кармана лист бумаги в пластиковом файле. Протянул его Торкелю, который быстро принялся его изучать. Копия письма.

– Шеф получил это несколько недель назад. Совсем о нем забыл, знаешь, какой-то тип из серии «раньше было лучше». Но тут мы начали писать о Свене Катоне...

– Катон Старший.

– Да, пожалуй, похоже, не так ли?

– Нам понадобится оригинал, – констатировал Торкель.

– Сорри, это все, что я могу тебе дать...

Торкель оторвал взгляд от бумаги.

– Ты собираешься об этом писать?

Вопрос. Ничего больше. Торкель знал, что пытаться ему запрещать бессмысленно.

– Ты хочешь, чтобы я об этом написал?

– Лучше бы нет.

– Тогда дай мне что-нибудь другое. Эксклюзивное.

Торкель стал быстро размышлять. Он, естественно, не обязан что-либо давать Веберу, но в то же время, тот помог им. Не только сейчас, но и в прошлом расследовании. Тогда он выдал им предварительную информацию о сведениях, которые собиралась опубликовать его газета, и они получили время, чтобы переместить свидетельницу. Возможно, это даже спасло ей жизнь.

– Орудием убийства, вероятно, был пневматический пистолет, – произнес Торкель, обдумав, какие сведения нанесут наименьший ущерб расследованию, если станут достоянием общественности, и что, наиболее вероятно, в ближайшем будущем все равно пронюхает кто-нибудь из журналистов.

– О'кей, сведения поступили от тебя?

– Нет.

Незачем распространять то, что руководитель Госкомиссии дает эксклюзивные сведения отдельному журналисту. Кроме того, Вебер мог получить их в других местах. Возможным орудием убийства пневматический пистолет назван в отчете о вскрытии из судебно-медицинской лаборатории Лунда. К отчету имел доступ Петер Берглунд, а тот наверняка не представлял себе, где отчет находится или у кого.

– Можешь написать, что получили их от источника в полиции Хельсингборга.

– Ты уверен?

– Да, и если ты случайно где-нибудь упомянешь имя Петер Берглунд, тоже ничего страшного не будет.

– Кто такой Петер Берглунд?

– Полицейский из Хельсингборга.

Вебер посмотрел на Торкеля удивленным, но вместе с тем слегка веселым взглядом.

– Что он сделал, чтобы навлечь на себя гнев Госкомиссии по расследованию убийств?

– Видимо, как раз выдал сведения об орудии убийства, – сказал Торкель, улыбнулся, помахал на прощание пластиковой папкой и пошел обратно к Урсуле и Себастиану.

– Определенно с высшим образованием, – заявил Себастиан, указывая на полученную от Торкеля распечатку. – «По роду своей работы я встречаю довольно много молодежи». Думаю, он работает в каком-нибудь учебном заведении.

– Он может быть инструктором в автошколе, или руководителем скаутов, или кем угодно, они тоже встречаются с молодежью, – возразила Урсула.

– Нет. – Себастиан покачал головой и стал читать дальше. – «Овладевают знаниями, критически осмысливают и получают образование, чтобы в дальнейшем получить увлекательную и ответственную работу». Он в учебном заведении. Скорее всего, в университете или институте.

– Почему он называет себя Катон Старшим? – поинтересовался Торкель. – Почему не Свеном Катон?

Урсула подтянула к себе стоящий открытым на столе ноутбук Торкеля, а Себастиан посмотрел на Торкеля с наигранным удивлением.

– Ты не знаешь, кем был Катон Старший?

– Нет.

– Вот именно. Это как раз указывает на знания. На общее образование.

– А *ты* знаешь, кем он был?

– Представь себе, да. Он заявил: «Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен».

– Почему он так сказал? Чем ему не нравился Карфаген?

– Не знаю.

– Катон Старший, родился в двести тридцать четвертом году до нашей эры, – найдя страницу в «Гугле», начала читать с экрана Урсула. – Был сенатором в Риме и заканчивал все

выступления, независимо от темы, пожеланием, чтобы Карфаген был разрушен. Он считал, что этот североафриканский город угрожает владычеству Рима в районе Средиземного моря.

– Если заняться толкованием, можно предположить, что наш Катон считает, будто современная заикленность на поверхностных звездах угрожает старому обществу, ставившему во главу угла знания, – подытожил Себастиан.

За столом воцарилась тишина.

– Что-нибудь еще? Что-нибудь прежде, чем мы на сегодня закончим?

Себастиан вновь поднял распечатку.

– Он написал не одно письмо, – произнес он, опять оторвавшись от чтения. – Нам следует связаться с газетами и телевидением, особенно с каналами, которые выпускали программы с участием жертв. Возможно, он еще звонил на радио. Перед тем, как начал убивать.

– Я это организую, – сказал Торкель, откидываясь на спинку стула и снова протирая глаза. – Займусь этим завтра первым делом.

– Когда будешь связываться с газетами, попроси их, чтобы они также проверили страницы с письмами читателей, – добавил Себастиан. – Катон из любителей посылать свои сообщения. Старые добрые СМИ. Бумажные газеты. Конверт с маркой.

Торкель кивнул. Урсула закрыла ноутбук. Торкель допил из бутылки оставшуюся минеральную воду. Оба встали. Себастиан продолжал сидеть. С распечаткой в руке.

– Что-нибудь еще?

– Нет, идите, – поднимая взгляд, ответил Себастиан. Катон его заинтересовал. Больше, чем кто-либо из преступников в расследованиях, которыми они занимались с тех пор, как он вернулся в Госкомиссию.

Умный, организованный, общительный, целеустремленный. Достойный противник.

К сожалению для всех молодых участников реалити-шоу в разных концах страны, им едва ли удастся остановить его, пока он не совершит ошибку.

А времени до этого может пройти много. Очень много.

21

Сначала он подумывал все отменить.

Полиция обнародовала его псевдоним, которым он воспользовался, когда договаривался с сестрами Юханссон.

Он, правда, не думал, что те в течение дня прочитали какую-нибудь газету или прослушали программу новостей, но все-таки они могли об этом узнать.

Смерть псевдознаменитостей как раз соответствует уровню сведений, которые они усваивают из потока новостей.

Впрочем, если даже сестрам стало известно содеянное им в Хельсингборге и Ульриسهамне, еще не факт, что они забеспокоятся. У них нет причин чувствовать угрозу. Они – блогеры и, насколько ему известно, никогда не участвовали в телевизионных передачах. Кроме того, свое «имя» он назвал лишь однажды. В первый раз, позвонив Эббе Юханссон, он представился и сказал, что он из газеты «Свенска дагбладет». Крайне маловероятно, чтобы она запомнила имя.

Он почитал Твиттер обеих сестер, последил за ними в Инстаграме и с муками продрался через их, мягко говоря, бессмысленный блог, и нигде они не сообщали, что собираются встретиться с каким-то Свеном Катонем или вообще что у них намечена встреча с журналистом.

Конечно, оставалась возможность, что, узнав о произошедшем, они опознали имя, пошли в полицию и рассказали, что у них вечером запланирована встреча с Катонем.

Возможно, хоть и маловероятно. Тем не менее, некоторая осторожность не помешает.

Предполагалось, что они встретятся в восемь часов в пиццерии, в Сундбюберге⁹. Место выбиралось тщательно. Привязка к сестрам, но минимальный шанс, что они столкнутся с кем-нибудь знакомым, ему легко припарковаться уединенно, от общественного транспорта далеко, такси приходится какое-то время ждать.

Когда Эбба поинтересовалась, почему именно там, он ответил, что хочет отправиться с ними в квартал их детства. Потребовалось довольно долго уговаривать. Эбба считала, что им почти нечего сказать о Сундбюберге, они переехали оттуда в пять лет, но он настаивал. Статью можно развернуть под удачным углом: кем бы они, на их взгляд, стали сегодня, если бы оставались жить там? Развивались бы они по-другому, если бы их мама не вышла второй раз замуж и они не переехали бы в Юрскольм¹⁰? Вопросы такого типа его интересуют. Проникновение вглубь. Возможность увидеть за маской блогеров людей. Эбба попыталась объяснить ему, что никаких особенных «людей за маской» не скрывается, что они с сестрой описывают свою жизнь такой, какая она есть, и что они вовсе не другие, когда пишут в блоге. Однако в конце концов ему все-таки удалось добиться встречи в пиццерии.

Все шло по плану. И тут его псевдоним обнародовали. Но зато он знает, что известно полиции, а он умнее их, умнее большинства.

Поэтому он сохранил план, только слегка модифицировал.

Если сестры сообщили в полицию, то скорее всего, когда он появится в пиццерии около восьми, его там уже будут поджидать полицейские. Поэтому он отправился туда уже в три часа дня, на поздний ланч. Просидел там больше часа, тщательно запоминая всех находившихся в зале людей. Покинул пиццерию примерно на час, а потом вернулся под предлогом, что забыл кепку. Когда он вернулся, никого из сидевших там в три часа уже не было. Однако это могло ничего не означать. Возможно, они находятся на кухне, в машине снаружи, в соседнем здании.

⁹ Сундбюберг – удаленный от центра район Стокгольма.

¹⁰ Юрскольм – привилегированный район Стокгольма со старыми традициями.

Он принял решение. Позвонил Эббе и спросил, не могут ли они вместо пиццерии встретиться в расположенном неподалеку китайском ресторане? Не назвал истинной причины замены, а девушка не спросила. Казалось, ей вовсе не требовалось играть, чтобы изображать в разговоре с ним непринужденность. Она звучала точно так же, как при их первой беседе.

Это укрепило его в убеждении, что девушка не связала его первый звонок с сегодняшними новостями. Он толком не знал, как полиция работает, но будь он полицейским – а из него получился бы отличный полицейский – он переместил бы теперь наблюдателей от пиццерии к китайскому ресторану, что повлекло бы за собой некоторое движение снаружи и вокруг последнего. Однако наблюдая за новым местом встречи, он не обнаружил никакой полицейской активности. Когда на часах было без четверти восемь, он убедился в том, что полиция не в курсе предстоящей встречи, и вошел в ресторан.

Он огляделся. На его приход никто не среагировал. Ему указали на столик, но он попросил другой, в углу, и получил его. Усевшись спиной к залу, он стал ждать.

Через двадцать минут появились сестры Юханссон.

По мнению Эббы, все началось хорошо.

Когда они вошли в ресторан, из-за столика в углу поднялся мужчина и слегка помахал им. Они направились к нему.

– Эбба и Сара? – спросил он, когда они приблизились.

Было очевидно, что он знает, кто из них кто. Разницу между ними видели не все. Большинство устраивало из этого целое представление – они же так безумно похожи! Каждый раз, когда это происходило, Эбба возмущалась. Хотя они и похожи, разница все-таки есть. Они две разные личности. Те, кто не в силах различить их, просто ленятся. А бородатый мужчина в стариковской кепке, так низко надвинутой на лоб, что она касалась очков в стальной оправе, понял, кто они. Это уже плюс.

– Я Сёрен, мы с тобой разговаривали по телефону, – сказал он, обращаясь к Эббе, и протянул руку.

Обдумав ситуацию, он решил, когда они встретятся, поменять имя. На какое-нибудь похожее, звучащее так, что она легко могла спутать по телефону. Ему не хотелось бросать вызов судьбе, представляясь при встрече Свеном Катонем – именем, которое они в течение дня могли где-нибудь услышать или увидеть напечатанным, даже если не связали его с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.